

Глава 8. Право и экономическая теория

В данной главе будут рассмотрены основные вопросы экономического анализа правовых систем, составляющего содержание особого направления в современной экономической теории — «право и экономическая теория», Law and Economics. Будучи близким по своему предмету новой институциональной экономической теории, это направление отличается от нее некоторыми методологическими подходами. В первом параграфе главы будут рассмотрены подходы к экономическому анализу общего права, во втором параграфе — основы экономического анализа уголовного права, в третьем — обсуждены подходы экономической теории к проблеме предотвращения правонарушений.

8.1. Экономический анализ общего права

Сущность экономического анализа права. Нормы права, — кодексы, отдельные законы, судебные решения и т.п., — составляют весомую часть формальных правил, регламентируя экономическое поведение с опорой на государство как организацию, имеющую (как правило) наиболее сильные позиции в осуществлении принуждения. Поэтому было бы не удивительно, если правовые нормы и соответствующие им институты стали наиболее распространенными объектами экономического анализа в рамках неинституционального подхода.

Однако на практике ситуация сложилась иначе: изучение права в целом и отдельных правовых норм с позиций экономической теории сформировалось как доса точно самостоятельное научное направление, — право и экономическая теория (Law and Economics), — воспринявшее отдельные положения новой институциональной экономической теории, но не считающее себя ее частью.

В чем же заключаются основные принципы применения экономической теории к анализу права, и каковы главные выводы, сделанные на основе такого применения? Каковы также и заблуждения, распространенные в юридической среде, относительно экономического подхода к праву?

Базовой предпосылкой для использования экономического подхода к исследованию правовых феноменов служит допущение того, что

люди, действующие в рамках правовой системы, совершают действия, максимизирующие их функции полезности, т.е. ведут себя как рациональные максимизаторы

Тем самым, предполагается, что стороны договоров (включая нарушителей их условий), судьи и адвокаты, воры и другие преступники, действуют по отношению к правовой системе как разумные индивиды, стремящиеся максимизировать уровень удовлетворения своих потребностей.

Как любые потребители (покупатели), они приобретают меньше товаров, когда цены на них растут, и покупают больше, когда цены снижаются. Единственное, что при таком подходе оказывается необычным — это *характер* (содержание)

благ и цен Так, в качестве блага для правонарушителя может выступать преступление, а цена может выражаться в длительности срока тюремного заключения (который, в частности, может быть уменьшен по решению суда, т.е. в результате проведения судебного процесса).

Эмпирический анализ показал, что, несмотря на необычность упомянутых благ и их цен, упомянутая выше стандартная зависимость вполне сохраняется и на подобных, формально неэкономических, рынках внутри правовой системы.

Так, увеличение ожидаемых издержек наказания за совершение преступления, обусловленное ростом сроков наказания, его строгости или вероятности наложения наказания, приводит, в полном соответствии с экономической теорией, к сокращению числа преступлений¹⁷¹.

Первый важный вывод из экономического анализа права заключается в том, что не только индивиды, так или иначе соприкасающиеся с правовой системой, ведут себя на ее «рынках» экономически рационально, но и *сама система общего права*¹⁷² действует так, как действовал бы в аналогичных ситуациях рациональный максимизатор. Судебные решения, определяющие распределение спорных правомочий собственности и определение ответственности; процедуры пересмотра принятых решений правовых споров; методы подсчета убытков и целесообразности освобождения от судебных запретов — эти и другие элементы правовой системы легко могут быть поняты как инструменты обеспечения эффективного распределения ограниченных ресурсов¹⁷³.

С точки зрения экономического подхода находят рациональные объяснения и некоторые общие принципы, регулирующие функционирование правовых систем и сформулированные еще в античные времена. Таков, например, известный принцип «Незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение». С точки зрения экономической теории, в основе его рационального объяснения лежит невозможность (т.е. запретительно высокие издержки) проверки истинности утверждения обвиняемого о том, что ему было неизвестно о существовании того или иного правила или запрета, когда он принимал свое решение, приведшее его на скамью подсудимых. Если бы рассматриваемый принцип (правило) не был бы выработан в системе права, и незнание закона *освобождало бы* от применения санкций, последние оказались бы вообще никогда не применимыми, поскольку достоверно проверить и убедительно доказать факт *знания* каким-либо индивидом чего-либо в ситуации, когда ему выгодно *скрывать* такое знание, очевидно, невозможно.

Поэтому в рамках правовой системы, претендующей на то, чтобы быть действующей и действенной, вместо расходования ресурсов государства на надежное доведение до каждого индивида знаний обо всей совокупности принимаемых правовых норм, такая система стремится довести («за свой счет») лишь знание об одном-единственном правиле — том самом, которое заключается в неосвобождении индивида от ответственности за нарушение неизвестного ему закона.

Тем самым, издержки на изучение правил переносятся на рационально ведущего себя индивида, действующего в рамках данной правовой системы, в то время как последняя берет на себя издержки по обеспечению *возможности* соответствующего изучения. Отсюда — требование (конституционное правило) *обязательной публикации* нормативного акта для того, чтобы он считался действующим (по крайней мере, в демократических обществах), но отнюдь не *обязательного доведения содержания публикации* до каждого отдельного гражданина.

Вторым, принципиально важным, выводом из исследований, осуществляемых в рамках экономического подхода к праву, является доказанная полезность экономического анализа *для проведения правовых реформ*, улучшения как отдельных нормативных актов, так и всей системы, обеспечивающей их проведе-

¹⁷¹ Tullock, Gordon (1974), Does Punishment Deter Crime?, 36 *Public Interest*, 103-111.

¹⁷² Об общем праве см. далее.

¹⁷³ Posner, Richard A. (1977), *Economic Analysis of Law*, 2nd ed, Boston: Little, Brown.

ние в жизнь. Другими словами, доказана продуктивность *нормативного экономического анализа* права.

Этот вывод представляется особенно важным для переходных экономик, таких как российская, где правовое поле функционирования экономики находится в стадии становления и не опирается непосредственно на долголетнюю практику функционирования рыночных отношений.

Дело в том, что *если бы* правовая система была нацелена исключительно на обеспечение максимальной экономической эффективности индивидов, фирм и национальной экономики в целом, то для ее нормативного экономического анализа не было бы достаточных оснований и возможностей. Однако в реальности мы наблюдаем в рамках правовых систем причудливую подчас смесь правил и процедур, часть из которых расширяет границы экономического (рационального, эффективного) действия, снимает барьеры для обмена и максимизирующего стоимость распределения ресурсов, в то время как другая часть — препятствует подобной оптимизации, сужает возможности экономических агентов, обуславливает непроизводительное расходование частных и общественных (государственных) ресурсов. Другими словами, некоторые из элементов права продвигают национальную экономику к «идеалу» экономической эффективности, — равносному состоянию системы рынков совершенной конкуренции и возможностям осуществления Парето-улучшений при выявлении новых ресурсных возможностей, — тогда как другие такому равновесию не только не соответствуют, но и не дают возможности ощутимо продвинуться к нему. Причины такого положения дел были раскрыты при обсуждении темы 6.

Итак, экономический анализ права дает возможность представить экономические объяснения не только отдельным нормативно-правовым актам и принципам, но и феномену права как таковому. В объяснении последнего решающую роль играет теорема Коуза.

Роль теоремы Коуза в объяснении экономической роли права. Знаменитая работа Р. Коуза «Проблема социальных издержек», на первый взгляд, практически не затрагивала юридических проблем: действительно, в ней не рассматриваются какие-либо конкретные правовые нормы. Однако значимость ее для понимания экономического подхода к праву неоспорима, ибо в ней сформулирован *общий подход к интерпретации любой юридической системы*.

По мнению Р. Коуза, причина существования правовой системы — неравенство нулю транзакционных издержек:

«Если мы переходим от режима с нулевыми транзакционными издержками к режиму с положительными транзакционными издержками, немедленно становится ясной решающая важность правовой системы... Я объяснил в статье «Проблема социальных издержек», что то, что продается на рынке, вовсе не есть, как часто полагают экономисты, физические объекты, а представляет собой права осуществления определенных действий, и что права, которыми располагают индивиды, установлены посредством правовой системы. Хотя мы можем представить в гипотетическом мире нулевых транзакционных издержек, что стороны обмена могут договориться об изменении любых положений закона, которые мешают им предпринимать какие-то шаги, которые требуются им для увеличения стоимости, в реальном мире положительных транзакционных издержек такая процедура была бы крайне дорогостоящей, и оказалась бы невыгодной, даже если бы такие сделки относительно закона были разрешены. Вследствие этого, те права, которыми владеют индивиды, вместе с их обязанностями и привилегиями, будут в значительной мере такими,

как их определяет закон. В результате, правовая система будет оказывать глубокое воздействие на работу экономической системы и в некотором смысле управлять ей»¹⁷⁴.

Интерпретация теоремы Коуза, составляющая одно из оснований экономического анализа права, трактует ее как модель спора между двумя индивидами или фирмами по поводу установления некоторой правовой нормы, т.е. в точности так, как трактуется спор (диспут), который формирует подобные установления в ходе вынесения судебных решений в системе общего права (common law). Такие параллели имеют весьма глубокие основания: исследователи, работающие в рамках экономического анализа права, часто полагают, что *институты общего права*, направленные на выработку согласованных частных решений через судебное состязание, представляют собой ничто иное, как *разновидность рынка*.

Действительно, спор между сторонами по поводу использования тех или иных прав собственности создает переговорную ситуацию, или ситуацию рыночной сделки, в которой, в принципе, согласованное решение может быть найдено самими сторонами без обращения к третьей стороне — суду, арбитру, государству и т.п. Однако *дороговизна* заключения соответствующей прямой сделки при некоторых условиях приводит к обращению сторон к правовым институтам, которые и выполняют функцию рынка, т.е. приводят к совершению обмена.

Заслуга Р. Коуза состоит здесь в том, что он показал, что, — *при отсутствии транзакционных издержек*, — результатом переговоров сторон будет такое перераспределение прав, которое окажется (1) эффективным (т.е. будет максимизировать стоимость) и одновременно (2) не зависящим от лежащих в их основе юридических правил. Напротив, *положительные транзакционные издержки*, препятствующие ведению переговоров и заключению обоюдовыгодной сделки, приводят к тому, что эти *правила становятся значимыми*. Роль суда, таким образом, с экономической точки зрения, сводится к тому, чтобы заменить собой отсутствующий рынок с нулевыми транзакционными издержками.

В целом, исходя из приведенной интерпретации теоремы Коуза, *любое юридическое правило*, начиная с детально проработанных систем нормативных актов (кодексов) и кончая простейшими правилами обычного права, необходимо рассматривать как *механизм, призванный решать проблему минимизации транзакционных издержек*, т.е. общеэкономическую проблему повышения эффективности использования ограниченных ресурсов.

Системы общего и кодифицированного права. Выше уже не раз употреблялся термин «общее право», или «система общего права». Поскольку в настоящее время подавляющее большинство результатов в области права и экономической теории относятся именно к этой правовой системе, необходимо более подробно ее охарактеризовать, тем более, что в России действует существенно иная правовая система.

Общее право — термин, имеющий два несовпадающих значения. Во-первых, он используется для обозначения совокупности принципов, применявшихся коро-

¹⁷⁴ Coase, Ronald (1991), The institutional structure of production, *Alfred Nobel Memorial Prize Lecture in Economic Science*.

левскими судами Англии в XVIII веке (исключая так называемое «право справедливости» (equity¹⁷⁵) и морское право, но включая некоторую часть кодифицированного (statutory) права). Во-вторых, так характеризуются области права, которые были созданы в значительной степени *судьями* в качестве «побочного продукта» решения конкретных дел, а не разработаны и официально приняты законодателями.

В исследованиях в области права и экономической теории общее право рассматривается главным образом *во втором смысле*, за исключением вопросов анализа судебной процедуры.

С экономической точки зрения общее право состоит из трех основных частей:

1. законодательство о собственности, связанное с созданием и определением прав собственности, то есть прав на исключительное использование ценных ресурсов;
2. контрактное право, связанное с облегчением добровольного перемещения прав собственности в руки тех, кто ценит их выше;
3. законодательство о неумышленном причинении ущерба, связанное с защитой прав собственности, включая право на физическую целостность.

Такие области как морское право, регулирование реституции, охрана интеллектуальной собственности и коммерческое право, а также уголовное и семейное право могут рассматриваться как специальные подкатегории одной или более из этих базовых областей.

Итак, в рамках общего права формирование правовых норм и правил – законов – является функцией судов (отдельных судей и жюри присяжных), исходящих из анализа конкретных случаев нарушений тех или частных договоренностей, с просьбой о разборе которых к ним обратились те или иные частные лица. Именно поэтому общее право часто называют *прецедентным*.

Наряду с общим правом, важным типом правовых систем государств является *кодифицированное* право. Его компонентами выступают правила, разработанные и принятые *законодателем* (законодательными органами государства) — парламентом, Думой, а в общем случае, используя терминологию, применяемую в рамках новой институциональной теории государства — правителем. Суды и судьи в системе кодифицированного права не создают законы, а лишь прилагают разработанные законодателем законы для вынесения решений по конкретным случаям (делам). Это означает, что законы кодифицированного права по определению должны *ex ante* предусмотреть все разнообразие ситуаций и поводов, по которым может возникнуть необходимость в вынесении судебных решений. В этом смысле кодифицированное право является *позитивным*: оно указывает индивидам, как правильно себя вести.

Образно говоря, в системе общего права законы возникают (создаются судами), по мере того, как свободные граждане сталкиваются с неразрешимым частным образом конфликтами и обращаются за помощью к судьям. До появления судебного решения в соответствующей сфере взаимодействий индивидов никаких предписаний не существует.

¹⁷⁵ В англоязычных странах – принцип правосудия, позволяющий корректировать закон в тех случаях, когда его прямое применение могло бы привести к лишениям и страданиям для сторон.

В системе же кодифицированного права исходным выступает решение правителя, устанавливающего нормы правильного поведения. Вмешательство государства (суда) происходит там и тогда, где и когда нарушено введенное законодателем правило, а не там, где возник частный конфликт, одна или обе стороны которого решают прибегнуть к помощи судьи для его разрешения.

Соответственно, экономический анализ общего права — это прежде всего исследование судебных дел, в то время как экономический анализ кодифицированного права — прежде всего, изучение законов, принятых законодателем.

Исследования Г. Калабреззи и Р. Познера. Первыми исследованиями, заложившими современную экономическую теорию права, считаются подготовленные независимо друг от друга статья Гвидо Калабреззи «Некоторые соображения относительно распределения риска и законодательства о неумышленном причинении ущерба»¹⁷⁶ и упоминавшаяся уже не раз статья Роналда Коуза «Проблема социальных издержек». Значение последней для развития экономического анализа права было рассмотрено выше, поэтому в этом разделе остановимся на других пионерных исследованиях в данной области.

В исследовании Г. Калабреззи доказывалось, что в долгосрочном периоде следствием изменения *правила ответственности* — судебного прецедента или правовой нормы иного происхождения, определяющего, кто именно, работник или работодатель, при каких условиях и в каких сферах деятельности несет ответственность за несчастный случай, произошедший с работником, — должно быть продолжение инвестиций в те области деятельности, которые освобождаются от ответственности работодателя, и прекращение инвестиций (или даже дезинвестиции) в те сферы, где ответственность работодателя, напротив, вводится.

Эти положения стали объектом продолжительной дискуссии, включавшей как чисто логический анализ (например, статья Х. Демсетца «Когда правило ответственности имеет значение?»¹⁷⁷), так и попытки эмпирической проверки приведенного утверждения (статья К. Вельяновски «Влияние закона 1880 г. об ответственности работодателя»¹⁷⁸), которая показала как минимум их спорность.

Однако значимость данной пионерной работы от этого отнюдь не уменьшилась. Ведь проблематика, традиционно анализировавшаяся ранее либо с чисто юридических позиций, либо с позиций социальной справедливости или классовой борьбы, оказалась вполне открытой для *экономического анализа* с позиций эффективности и оптимального распределения ресурсов. Иными словами, в статье Г. Калабреззи впервые в явном виде к изучению конкретных юридических вопросов были применены аналитические подходы неоклассической экономической теории.

Разумеется, экономический подход и ранее, в 20-30-е годы, применялся в рамках правовых исследований, однако только в отдельных специальных областях, — прежде всего, в рам-

¹⁷⁶ Calabresi, Guido (1961), Some Thoughts on Risk Distribution and the Law of Torts, **70** *Yale Law Journal*, 499-553.

¹⁷⁷ Demsetz, Harold (1972), When Does the Rule of Liability Matter?, **1** *Journal of Legal Studies*, 13-27.

¹⁷⁸ Veljanovski, C.G. (1984), The Impact of the Employer's Liability Act 1880, *Papers Presented at the First Meeting of the European Association of Law and Economics*, in G. Skog (ed.), Lund: University of Lund.

ках антимонопольного законодательства, — и отнюдь не в качестве *методологического* подхода. До появления указанных пионерных работ взаимодействия права и экономической теории ограничивалось изучением тех законов, которые явно регулировали экономические отношения: речь идет о налоговом законодательстве, регулировании деятельности корпораций и рынка ценных бумаг.

Некоторые исследователи, изучающие вопросы развития экономического анализа права, отмечают, что первые попытки в этой области предпринимались еще в XIX веке (см., например, статью Г. Овенкэмп «Право и экономическая теория в США: краткий исторический очерк»¹⁷⁹). Однако разработки, выполненные в те годы, существенно отличались от работ, которые в настоящее время относятся к данному направлению. Эти отличия практически полностью обусловлены произошедшими за столетие изменениями в самой экономической науке.

Дело в том, что «старый» экономический анализ права исходил из того варианта маржинализма, который допускал возможность межличностного сравнения полезностей. Соответственно, в центре внимания ученых, занимавшихся этой проблематикой, находились вопросы *справедливости*, понимаемой как та или иная форма выравнивания доходов, богатства и т.п. В первую очередь их интересовали вопросы законодательного обустройства политики перераспределения богатства, обоснования содержания законов и государственной политики, которые позволили бы создать справедливое государство благосостояния. Формирование основ неоклассической экономической теории «перевело» подобные исследования в состав предмета *истории* экономической мысли.

Значение работ Коуза и Калабрези заключалось, таким образом, в том, что в них экономический подход был применен к правовым институтам *в целом*, т.е. к праву как социальному институту. Иными словами, экономические представления и модели начали применяться *за пределами собственно экономики* как сферы рациональных действий людей по распределению и использованию ограниченных ресурсов.

В этой связи важно назвать еще одного исследователя, существенно расширившего сферу использования экономического подхода к изучению общественных явлений — Гэри Беккера. Развиваемое им направление получило, как известно, наименование «экономического империализма», поскольку его последователи активно «захватывали» такие традиционно неэкономические области анализа как расовая дискриминация, демографическое «производства» домохозяйств и т.д.

Особое значение для развития экономического анализа права имеет статья Г. Беккера «Преступление и наказание: экономический подход»¹⁸⁰, в которой он применил экономический анализ к сфере уголовного права. Эта проблематика будет специально рассмотрена ниже.

«Право и экономическая теория» как научное направление получило целостное и систематическое выражение после выхода в свет в 1972 г. первого издания книги Ричарда Познера «Экономический анализ права»¹⁸¹. Ее автор, не только

¹⁷⁹ Hovenkamp, Herbert (1995), *Law and Economics in the United States: A Brief Historical Survey*, **19** *Cambridge Journal of Economics*, 331-352.

¹⁸⁰ Becker, Gary S. (1968), *Crime and Punishment: The Economic Approach*, **76** *Journal of Political Economy*, 169-217 (русский перевод: Беккер Г. (2000), *Преступление и наказание: экономический подход*// *Истоки*, вып.4, Я.И. Кузьминов (ред.), М.: ГУ ВШЭ, 28-90).

¹⁸¹ Posner, Richard A. (1972), *Economic Analysis of Law*, Boston: Little, Brown; в 1998 г. опубликовано ее пятое издание, дополненное новыми главами, расширяющими представления о возмож-

профессор права, но и действующий судья Апелляционного суда 7-го округа США, обобщил в своей книге достаточно многочисленные исследования, посвященные различным областям права, включая собственные, и представил их в виде учебника, содержащего не только ставшие общепризнанными результаты, но и многие проблемные вопросы, не имеющие пока однозначного решения. Именно с момента появления книги Р. Познера можно говорить о том, что «право и экономическая теория» стало вполне сформировавшимся научным направлением.

Важной стороной экономического подхода к праву является его методология, существенно отличающаяся от методологии, принятой в рамках юридической науки. Одновременно, эта методология отличается и от методологии новой институциональной экономической теории. Поэтому, прежде чем перейти к характеристике некоторых позитивных результатов экономического анализа общего права, остановимся на упомянутых методологических вопросах.

Сопоставление методологических предпосылок новой институциональной экономической теории и экономического анализа права. Экономическая теория права в том виде, как она в настоящее время сложилась в мировой экономической теории, достаточно близка к новой институциональной экономической теории по своему *предмету*. Ведь законы и другие юридические нормы представляют собой частный случай принуждаемых к исполнению правил, т.е. институтов. Достаточно близки и используемые ею *методы* анализа законов, заимствуемые из неоклассической экономической теории.

Однако по этому пункту можно зафиксировать и *расхождения* между новой институциональной экономической теорией и экономической теорией права, поскольку последняя не всегда критически относится к таким положениям неоклассики как полная рациональность и отсутствие оппортунизма¹⁸².

В рамках экономического подхода широко распространен *методологический индивидуализм*, ставящий во главу угла действия отдельного индивида, именно к ним сводящий (или, точнее, *стремящийся свести*) все разнообразие наблюдаемых экономических феноменов. При этом, разумеется, экономический подход широко анализирует *взаимодействия* индивидов и *формы координации* этого взаимодействия, привлекая внимание к тому, что результаты и последствия взаимодействия чаще всего оказываются неожиданными для индивидов, несмотря на рациональный выбор сторонами взаимодействия своих конкретных действий.

Учет такого рода последствий – неотъемлемый элемент экономического анализа, отражающийся в категориях экстерналий, социальной стоимости и социальных издержек. Как отмечает Д. Робертсон, «способность экономистов видеть дальше непосредственно очевидного для того, чтобы объяснять непосредствен-

ностях изучения права с позиций экономической теории; русский перевод этого издания выходит в свет в издательстве «Экономическая школа», Санкт-Петербург.

¹⁸² Впрочем, в последние годы, в связи с возникновением и интенсивным развитием такого направления как поведенческая экономическая теория права, сближение последней с новой институциональной экономической теорией становится все более ощутимым.

но не связанные между собой феномены представляет собой один из наиболее значимых навыков, которые они внесли в социальный анализ»¹⁸³. Соответственно, при анализе юридических феноменов экономический подход концентрируется, прежде всего, на *последствиях* существования и применения юридических правил (см. также следующий раздел).

Важным методологическим моментом экономического анализа права является принятие им предпосылки максимизации общественного благосостояния как целевой функции государства (и, соответственно, суда как части государства). Иначе говоря, оппортунистичность поведения экономических агентов, в явном виде принимаемая новой институциональной экономической теорией, в рамках экономического анализа права, скорее, молчаливо допускается.

Экономический и юридический подходы к анализу права. Как известно, экономический анализ практически не интересуется отдельным конкретным индивидом, формулируя свои положения для экономического *агента вообще*. Он выводит эти положения из обезличенных категорий рынка, цены, рыночного равновесия и т.п. Мотивы и стимулы, занимающие центральное место в поведенческом экономическом анализе, также обезличены, относятся к *типичному, любому* экономическому агенту.

В этом заключается его разительное отличие от юридического подхода, свойственного общему праву, где норма «вырастает», как отмечалось, из разбора конкретных действий конкретных индивидов, обратившихся за правосудием к конкретному судье. Соответственно, юристы привыкли заниматься именно отдельными индивидами, их специфическими стимулами, мотивами и обстоятельствами. Экономический агент (ограниченно) рационален, в то время как субъект судебного спора подвержен эмоциям, часто действует аффективно, необдуманно, что может существенно сказаться на исходе судебного разбирательства.

Экономический подход к принятию решений нацелен, прежде всего, на учет *будущих последствий* этого решения. Напротив, для привычного юридического подхода свойственно «замыкание» на непосредственном деле (казусе), разбираемом в судебном заседании. Известная максима «Пусть мир рухнет, но правосудие восторжествует» хорошо выражает суть такого подхода.

Приведем в этой связи достаточно длинную цитату из упоминавшейся книги Р. Познера: «...может возникнуть вопрос: не рассматривают ли юрист и экономист один и тот же случай столь разными способами, что гарантирована принципиальная несовместимость между правом и экономической теорией? Х подстрелен неосторожным охотником Y и подает в суд. Единственный вопрос, который интересует стороны и их адвокатов, и по которому судья и присяжные будут принимать решение, – следует ли ответственность за причиненный вред перенести с X на Y, то есть, будет ли получение X компенсации «обоснованным» или «справедливым». Адвокат X будет утверждать, что X должен по справедливости получить компенсацию, так как Y совершил ошибку, а X ни в чем не виновен. Адвокат Y может утверждать, что X был также неосторожен, и будет справедливым не давать компенсации X. Обоснованность и справедливость не только не являются экономическими терминами. Экономиста также не интересует тот единственный вопрос, которым озабочены пострадавший и адвокат: кто должен возместить издержки *данного* несчастного случая? Для экономиста этот несчастный случай – уже закрытая книга. Издержки, которые он вызвал, безвозвратно «истрачены». Экономиста интересует, как предотвратить будущие несчастные случаи, которые приводят к неоправданным издержкам, то есть

¹⁸³ Robertson, D. (2001), *Law and Economic Analysis: A Lawyer's Perspective on the Economic Analysis of Law*. University of New Zealand (mimeo).

сократить сумму издержек несчастного случая и издержек его предотвращения. Стороны судебного процесса могут не интересоваться будущим. Единственным их интересом могут быть финансовые последствия несчастного случая, произошедшего в прошлом».

Однако, отмечает далее Р. Познер, такое противопоставление довольно сильно преувеличено. Во-первых, решение суда повлияет на будущее, и потому оно должно интересовать экономиста, так как оно установит или подтвердит правило поведения людей, участвующих в деятельности, способной приводить к причинению ущерба. Решение является предостережением: тому, кто поведет себя определенным образом, так что, если результатом станет несчастный случай, то ему придется выплачивать компенсацию.

Во-вторых, судья и адвокаты не могут игнорировать будущее и в явном виде. Ведь судебное решение может стать прецедентом, влияющим на решение будущих дел. Поэтому судья должен рассматривать возможные влияния альтернативных решений на будущее поведение людей, занимающихся деятельностью, которая приводит к подобным несчастным случаям. Если, например, компенсация присуждается ответчику на том основании, что он «достойный», хотя и неосторожный человек, то это решение приведет к тому, что подобные люди будут неосторожными, демонстрируя тип поведения, ведущий к высоким издержкам.

Таким образом, как только рамки дела расширяются и на него ссылаются уже не только непосредственные участники, так сразу обоснованность и справедливость принимают более широкое значение, чем по отношению к данному истцу и данному ответчику. Проблемой становится выяснение обоснованных и справедливых результатов *класса* действий, и эта проблема уже не может быть решена без рассмотрения будущего влияния других вариантов решений на частоту несчастных случаев и на издержки их предотвращения. «Стало быть, — заключает Р. Познер, — взгляд *ex ante* не является чуждым для правового процесса».

Несмотря на отмеченные различия, экономический подход весьма ощутимо повлиял на юридическую науку (по крайней мере, в США). Прежде всего, нужно указать на существенные изменения самого характера теоретических рассуждений о праве, вызванные проникновением экономического стиля мышления в данную область.

Для «старой» юриспруденции в значительной мере был характерен так называемый «юридический позитивизм», суть которого заключается в том, что *любое решение законодателя* воспринимается как данность, фактически не подлежащая обсуждению с точки зрения его социальных или экономических последствий: закон таков, каков он есть, и обсуждения и анализа достойны только проблемы его применения, включая соответствие ранее принятым законам.

Экономическому стилю мышления, напротив, свойственна альтернативность, стремление к сопоставлению различных вариантов достижения целей, сравнению результатов и издержек и т.п. Тем самым, закон не воспринимается как «объективная реальность», он есть не более чем один из возможных альтернативных путей достижения определенной цели, о нем можно и нужно рассуждать с точки зрения эффективности реализации соответствующей цели. Легко видеть, что такой подход к законам и законодательной деятельности — прямое следствие концепции функционирования политического рынка, сформированной в рамках программы «экономического империализма» как расширения сферы

применения экономического подхода за пределы традиционного предмета экономической теории.

Важность отмеченного изменения трудно переоценить прежде всего для трансформирующихся, в том числе переходных, экономических систем: именно в них вопросы «искусственного» — сознательного, целенаправленного — формирования юридических правил являются одним из центральных моментов всего преобразовательного процесса. Закон, тем самым, в явном виде выступает в них инструментом достижения тех или иных целей и интересов, поэтому так важно *ex ante* понять, что это за цели и интересы, какая общественная группа является их носителем, будет ли реализация этих целей и интересов способствовать или препятствовать экономическому росту, максимизации создаваемого богатства.

Кроме приведенного, важно упомянуть и еще один вывод из практики экономического подхода к анализу права, имеющий более технический характер, но также достаточный важный с точки зрения методологии и методики исследований. Речь идет об ином качественном уровне применения математико-статистических методов в анализе количественных правовых данных. Безусловно, статистическая обработка информации, характеризующей процессы правоприменения, осуществлялась задолго до возникновения экономического подхода к изучению права. Однако только экономический подход дал возможность осуществлять такую обработку как часть процесса выдвижения и проверки научных гипотез: ведь именно в рамках экономической теории были созданы и создаются поведенческие модели, позволяющие выдвигать соответствующие гипотезы, объясняющие те или иные массовые действия, предпринимаемые участниками правового процесса. Следовательно, возникает возможность корректной интерпретации выявляемых зависимостей — не *ad hoc* (для данного случая), а систематической, увязывающей отдельные поведенческие акты в единую совокупность, трактующей их с единых позиций рационального поведения. Соответственно, можно говорить о повышении уровня культуры применения математико-статистических методов в рамках собственно юридических статистических исследований: их случайное использование замещается последовательной и целенаправленной проверкой гипотез, логически вытекающих из формулируемых теоретических моделей.

Экономический анализ общего права. Указанные выше разделы общего права, — законодательство о собственности, контрактное законодательство и законодательство об ответственности за неумышленное причинение ущерба, — имея различные области применения, характеризуются также тесной внутренней связью. Центральным звеном в ней выступает законодательство об ответственности за неумышленное причинение ущерба. Идеи, определяющие соответствующие правила принятия судебных решений, фактически применяются и двух других разделах общего права.

Основания для этого заложены в самой логике общего права. Напомним, что его принципы и правила формировались на основе прецедентов, т.е. разбора конфликтных ситуаций, с которыми истцы обращались в суды. Но каждый *конфликт* неизбежно сопряжен с тем или иным, ожидаемым или уже понесенным *ущербом*.

Это особенно относится к конфликтам, возникающим в сферах имущественных и контрактных отношений. Действительно, конфликты по поводу собственности, — передаче тех или иных прав на нее, принудительным изъятием, порчей и т.п., — предполагают фактическую или ожидаемую утрату потока доходов, невозможность использования и т.п. Конфликты в контрактных отношениях, такие как разрыв контракта, его неполное или неточное исполнение и др., также связаны с ущербами для жертв нарушений заключенных договоров. Поэтому неудивительно, что «идеология» законодательства об ответственности за неумышленное причинение ущерба оказывается сквозной также и для двух других разделов общего права.

Мы рассмотрим вопросы экономического анализа законодательства об ответственности за неумышленное причинение ущерба (*tort law*) на примере несчастных случаев. Юридическая ответственность в ситуациях возникновения несчастных случаев представляет собой институт, посредством которого общество стремится уменьшить риск причинения вреда за счет угрозы потенциальным виновникам обязать их оплачивать возможным жертвам тот ущерб, который они могут нанести в результате своих действий.

Такая ответственность часто рассматривается также как средство возмещения упомянутого ущерба жертвам несчастных случаев, однако, как будет показано далее, подобное возмещение с существенно меньшими издержками может быть обеспечено за счет страхования. Поэтому основная социальная функция ответственности за неумышленное причинение вреда, с точки зрения экономического анализа права, — это обеспечение *стимулов* для *предотвращения* нанесения ущерба. Ведь компенсации как таковые суть лишь перераспределения создаваемой стоимости, в то время как действия, препятствующие возникновению ущерба, могут иметь производительный характер, придавая продукции более высокое качество (в данном случае, большую безопасность в использовании).

Принято разграничивать два основных типа *правил ответственности*, которыми руководствуются суды, вынося свои решения при рассмотрении дел о неумышленном причинении вреда.

В соответствии с правилом *строгой ответственности* (*strict liability rule*), виновник должен всегда оплачивать тот ущерб, который возник в результате вызванного им несчастного случая.

В соответствии с *правилом небрежности* (*negligence rule*), виновник должен оплачивать вызванный им ущерб только в том случае, если он признан небрежным, т.е. только если уровень предпринятых им предосторожностей был меньшим, чем некоторый стандартный уровень, определенный судом (зачастую применительно к рассматриваемому несчастному случаю, т.е. *ad hoc*).

В судебной практике главенствующим является правило небрежности в его различных вариантах, зависящих от того, должны ли были обе стороны инцидента предпринимать предосторожности, или нет. Правило строгой ответственности в основном применяется там, где речь идет о несчастных случаях, связанных с особо опасной деятельностью, например, использованием взрывчатых веществ.

Базовая модель «одностороннего» несчастного случая. Для ясной демонстрации механизма создания стимулов к принятию должных мер предосторожности, о которых шла речь выше, рассмотрим простейшую экономическую модель несчастного случая. В ее рамках мы будем различать два типа субъектов или

сторон, — *виновник* (*injurer*, дословно — «причинитель») и *жертва* (*victim*), которые предполагаются риск-нейтральными и никак не связанными друг с другом вне рамок произошедшего инцидента (по крайней мере, между ними нет контрактных отношений). Пусть также, для простоты, несчастный случай по своей природе является *односторонним*, т.е. только действия виновника могут повлиять на риск возникновения происшествия.

При очерченных предпосылках базовая модель может быть записана следующим образом: пусть X — это расходы на принятие мер предосторожности (или денежная оценка усилий, затрачиваемых виновником на эту цель), а $P(X)$ — вероятность несчастного случая, который вызывает ущерб H . При этом, очевидно, функция P убывает с ростом X . Предположим, что социально желательным является обеспечение минимальных ожидаемых совокупных издержек, т.е. задачей общества является $\min(X + P(X)H)$, и обозначим X^* оптимальное значение X .

При применении *правила строгой ответственности*, в случае возникновения инцидента виновник должен возместить убытки, равные H и, естественно, нести издержки на обеспечение предосторожностей в размере X . Следовательно, выбирая уровень предосторожностей, виновник минимизирует $X + P(X)H$ и, соответственно, выбирает объем издержек X^* .

При применении *правила небрежности* логика выбора несколько усложняется. Предположим, что определяемый судом *стандарт предосторожности* (точнее, конечно, обуславливающие его издержки) X^S установлен на уровне X^* . Это означает, что виновник будет возмещать убытки H , если его фактически затраты на предосторожности $X < X^*$, однако не будет возмещать ничего, если $X \geq X^*$. При этих предпосылках ясно, что виновник будет выбирать X^* : ведь выбор $X > X^*$ будет стоить ему дороже, чем необходимо, поскольку он избегает ответственности при меньшей величине затрат, равной X^* ; ему нет смысла также выбирать $X < X^*$, поскольку при этом он будет нести ответственность в размере H .

Таким образом, при обоих правилах ответственности потенциальный виновник *стимулируется к выбору оптимальных издержек* для обеспечения необходимых предосторожностей для предотвращения несчастных случаев. Заметим, однако, что при использовании правила небрежности, суд должен быть в состоянии вычислять оптимальный уровень издержек предосторожности X^* , а также наблюдать (т.е. оценивать или измерять) как фактический уровень издержек предосторожности X , так и нанесенный в результате несчастного случая ущерб. Напротив, при использовании правила строгой ответственности суду достаточно оценить лишь нанесенный в результате несчастного случая ущерб.

Отметим еще одно важное следствие приведенной простой модели: при использовании судом правила небрежности с устанавливаемым стандартом издержек, равным X^* , *факт небрежности* со стороны виновника *никогда не будет фактически установлен*. Ведь логика ответственности за несчастный случай такова, что потенциальный виновник «подталкивается» ею к выбору X^* , что означает его «автоматическое» оправдание в случае привлечения его к суду жертвой произошедшего несчастного случая. Основой для оправдания послужит, очевидно, тот факт, что виновник будет выбирать оптимальный уровень предосторожности, равный стандарту, установленному судом, и, следовательно, будет рассматриваться как сделавший все, что нужно, для того, чтобы несчастный

случай не произошел. Происшествие будет оценено как *неизбежное*, произошедшее вследствие непреодолимой силы, в котором виновник, при указанных предпосылках, не виноват.

Установление факта небрежности виновника может произойти только при различных *модификациях* сделанных выше предположений базовой модели. Во-первых, суд может ошибиться в оценке фактически предпринятых предосторожностей, так что виновник, реально выбравший уровень издержек предосторожности X^* , может быть признан небрежным, якобы обеспечившим уровень предосторожности ниже оптимального. Во-вторых, суд может ошибиться в установлении стандарта X^S , определив его *выше* X^* , так что виновник, выбравший на деле X^* , будет признан небрежным.

Возможность судебных ошибок ведет к тому, что потенциальные виновники несчастных случаев будут выбирать «неправильные» уровни издержек предосторожности, предпринимая *чрезмерные усилия* в этой области, чтобы обезопасить себя от ошибочного признания небрежными. В странах с давними традициями страховой медицины отмечен факт систематического «оборонительного» поведения лечащих врачей, назначающих пациентам проведение различных, зачастую повторяющих друг друга либо не имеющих отношения к делу, анализов. Такое поведение легко объяснимо предвидением врачами возможных судебных ошибок в установлении стандарта предосторожностей, если недовольный лечением пациент (или его родственники — в случае летального исхода болезни) обратится в суд с иском о признании врача виновным в нанесении ему того или иного ущерба. Принятие чрезмерных предосторожностей со стороны врача в описанной ситуации облегчается также тем, что излишние исследования оплачиваются не назначающим их врачом, а страховой компанией (фактически, самим пациентом).

Экономический анализ гражданской ответственности не исчерпывается рассмотренной базовой моделью. В литературе разобрано несколько ее модификаций. Во-первых, это так называемые *двусторонние несчастные случаи*. Так принято называть ситуации, где вероятность происшествия зависит как от поведения виновника, так и от поведения жертвы. Типичным примером выступают дорожно-транспортные происшествия, возникновение которых зависит как от действий водителя, так и от поведения пешехода, лечение болезни, на исход которого влияют не только назначения врача, но и исполнения их пациентом, и т.п.

Во-вторых, разработаны модели экономического анализа односторонних несчастных случаев *с учетом масштабов деятельности* виновника, когда он может выбирать не только уровень издержек предосторожности, но и *масштабы* своей деятельности, одним из результатов которой становится причинение непреднамеренного ущерба (например, протяженность пути автомобилиста, либо как объем выпуска продукции, каждая единица которой может нанести ущерб непосредственно потребителю либо окружающей среде, и т.п.). В рамках таких моделей потенциальный виновник оптимизирует как издержки предосторожности, так и масштабы своей деятельности, поскольку вероятность нанесения непреднамеренного ущерба оказывается функцией от обоих этих параметров. Так, осуществив издержки предосторожности, - установив оборудование, уменьшающее вероятность появления у продукции потенциально вредоносных качеств, - предприниматель в состоянии существенно увеличить масштабы вы-

пуска этой продукции, при том же ожидаемом объеме компенсаций возможным жертвам, и обратно, сэкономив на качестве, он увеличивает риск быть привлеченным к суду (и выплачивать компенсации), увеличивая объемы своего производства.

В-третьих, проанализированы двусторонние несчастные случаи с учетом масштабов деятельности и виновника, и жертвы. В данных ситуациях, где вероятность возникновения инцидента зависит от масштабов деятельности как потенциального виновника, так и жертвы, ни одно из рассмотренных выше правил ответственности (в предположении, что масштабы деятельности не наблюдаемы) не приводит к оптимальным стимулам и, следовательно, оптимальному с социальной точки зрения поведению сторон.

Правило небрежности мотивирует *виновника* к избыточным масштабам его деятельности. Правило строгой ответственности с учетом взаимных небрежностей провоцирует к таким масштабам деятельности *жертву*, поскольку последняя не несет всех полученных потерь, если принимала предосторожности на установленном судом уровне.

Причиной того, что в рассматриваемой ситуации не достигается «полная» оптимальность, служит следующая общая характеристика правил ответственности:

чтобы стимулировать потенциального виновника к выбору оптимального масштаба его деятельности, правила возлагают на него вызванные происшествием потери; это, в свою очередь, означает, что жертва не стимулируется к выбору оптимального масштаба активности, и наоборот

Кроме того, в рамках рассмотренного раздела общего права с экономической точки зрения изучены вопросы оптимизации размеров компенсации, сравнительные преимущества законодательства о гражданской ответственности и страхования, как альтернативной формы компенсации ущерба и некоторые другие вопросы.

Мы не будем их здесь касаться, поскольку сфера экономического анализа права весьма широка и достойна самостоятельного изучения, а задачей данной главы является лишь первичное ознакомление с ней в рамках изучения новой институциональной экономической теории.

8.2. Экономический анализ уголовного права

Экономический подход к анализу преступного поведения базируется на предпосылке рационального поведения людей, совершающих преступления. В неявном виде этот подход присутствует в классической теории уголовного права. Впервые он был изложен Бенгтом. По словам последнего: «Прибыль от преступления – это сила, которая побуждает человека совершить правонарушение. Тяжесть наказания – сила, удерживающая его от этого. Если первая сила превосходит вторую, преступле-

ние будет совершено, если наоборот – преступление не будет совершено»¹⁸⁴. Однако большую часть двадцатого столетия в исследовании преступного поведения господствовали представления, согласно которым основные причины того, что индивиды совершают преступления заключаются в их греховности, ненормальности или отсутствии у них душевного здоровья. Рациональное объяснение причин преступного поведения людей вернулось в науку лишь в 1968-м году в ставшей классической статье Гэри Беккера «Преступление и наказание: экономический подход»¹⁸⁵.

Подходы Гэри Беккера и Брауна – Рейнольдса. В своей знаменитой работе 1968-го года Гэри Беккер использует подход, который «следует принципам традиционного для экономистов анализа выбора и предполагает, что человек совершает преступление в том случае, если ожидаемая полезность от этого действия превышает полезность, которую он мог бы получить, используя свое время и силы иным образом»¹⁸⁶. Иначе говоря, в соответствии с подходом Беккера, «некоторые люди становятся преступниками не потому, что их базовая мотивация отлична от мотивации других людей, а потому, что у них иная оценка затрат и результатов»¹⁸⁷.

Принимая решение о том, совершать ли ему преступление, или отказаться от этой затеи, индивид, по Беккеру ориентируется на свою ожидаемую полезность от совершения преступления:

$$EU_j = p_j U_j(Y_j - f_j) + (1 - p_j) U_j(Y_j)$$

Где EU_j – ожидаемая j -тым преступником полезность от совершения преступления;

Y_j – доход от преступления (включая и нематериальный доход) j -того правонарушителя;

U_j – функция полезности j -того преступника;

p_j – вероятность того, что преступник будет задержан и понесет наказание;

f_j – тяжесть наказания (в денежном эквиваленте).

Важно отметить, что показатель U_j – полезность от совершения преступления – фактически включает в себя отношение j -того индивида к риску. Иными словами, при прочих равных условиях, полезность от совершенного преступления будет у склонного к риску индивида больше, чем у индивида, нейтрального к риску, а у последнего – больше, чем у несклонного к риску индивида.

Опираясь на различное отношение индивидов к риску, Гэри Беккер объясняет больший сдерживающий эффект увеличения вероятности разоблачения по сравнению с увеличением тяжести наказания (этот эффект впоследствии был подтвержден многочисленными эмпирическими исследованиями): «Увеличение p_j «компенсированное» равным в процентном отношении снижением f_j , не изменяет ожидаемую величину дохода от совершения преступления, но изменяет ожидаемую полезность преступления, поскольку возрастает риск... Рост p_j приводит к большему снижению ожидаемой полезности и тем самым – количества совершаемых преступлений, чем аналогичное (в процентном отношении) увеличение f_j , если индивид j имеет склонность к риску. Если он предпочитает не рисковать, эффект будет прямо противоположным, а если к риску он равнодушен, увеличение вероятности наказания повлияет на его поведение точно так же, как увеличение его строгости, и наоборот»¹⁸⁸.

При данном подходе, количество преступлений, совершаемых j -тым индивидом за определенный период времени (O_j) – это функция от тяжести наказания, вероятности того, что

¹⁸⁴ Bentham, Jeremy (1843), *Principles of Penal Law*, 1 *Works*, p.399.

¹⁸⁵ Becker, Gary S. (1968), *Crime and Punishment: The Economic Approach*, 76 *Journal of Political Economy*, 169-217 (русский перевод: Беккер Г. (2000), Преступление и наказание: экономический подход// *Истоки*, вып.4, Я.И. Кузьминов (ред.), М.: ГУ ВШЭ, 28-90).

¹⁸⁶ Там же, с.37-38.

¹⁸⁷ Там же, с.38.

¹⁸⁸ Там же, с.40.

совершивший преступление индивид понесет наказание и от ряда других факторов, важнейший из которых – альтернативные доходы, которые мог бы получить индивид, если бы он занимался легальной деятельностью, не связанной с совершением преступлений:

$$O_j = O_j(p_j, f_j, Y_j)$$

При этом количество совершаемых j -тым индивидом преступлений за определенный период времени связано обратной зависимостью с тяжестью наказания и его вероятностью:

$$O_{p_j} = \frac{\partial O_j}{\partial p_j} < 0$$

$$O_{f_j} = \frac{\partial O_j}{\partial f_j} < 0$$

Дальнейшее развитие экономической теории преступного поведения после работы Гэри Беккера происходило, в основном, в двух направлениях: эмпирическая оценка влияния двух основных факторов (вероятности наступления наказания и его тяжести) на склонность индивидов к противозаконной активности и анализ влияния на величину этой активности других факторов, включающий эмпирическую оценку этого влияния. По всеобщему признанию, наибольшее значение среди таких факторов играют доходы индивида от легальной деятельности, которые будут утрачены, в случае, если индивид совершит преступление и будет разоблачен.

Если предположить, что индивид одновременно получает доход как от преступной, так и от легальной деятельности, то, в соответствии с подходом Уильяма Брауна и Моргана Рейнольдса¹⁸⁹ представленная выше формула ожидаемой полезности правонарушителя будет выглядеть следующим образом:

$$EU_j = p_j U_j(W_j - f'_j) + (1 - p_j) U_j(W_j + Y_j)$$

Где W_j – текущие доходы j -того индивида от легальной деятельности, а

$$f'_j = Y_j - f_j$$

Отсюда видно, что индивид пойдет на нарушение закона в том, и только в том случае, если

$$EU_j > U_j(W_j)$$

Расширение базовой модели преступного поведения. Развитие экономической концепции поведения правонарушителя после пионерной работы Гэри Беккера шло, в основном, по двум направлениям. Первое направление – модификация подхода Гэри Беккера с использованием модели портфельного выбора. В рамках этого подхода анализируется поведение налогоплательщика, максимизирующего свой ожидаемый доход и решающего, какую часть полученного им за определенный период дохода следует отразить в налоговой декларации, а о какой части этого дохода не следует сообщать налоговым органам.

Другой подход, самый популярный на сегодняшний день среди исследователей, предполагает, что максимизирующий свое благосостояние индивид распределяет свое время между легальной и нелегальной деятельностью. Такой подход, в

¹⁸⁹ Brown, William W. and Reynolds, Morgan O. (1973), Crime and “Punishment”: Risk Implications, 6 *Journal of Economic Theory*, 508-514.

частности, нашел свое отражение в одной из самых цитируемых работ известного экономиста-криминолога XX века Айзека Эрлиха¹⁹⁰. Его анализ базируется на следующих предположениях:

1. Индивид может расходовать свое время на занятие двумя видами приносящей доход деятельности: легальной и нелегальной; при этом оба вида деятельности могут сочетаться индивидом в любой пропорции.
2. Доход от нелегальной деятельности – это стохастическая величина, так как здесь возможны два исхода: неблагоприятный для правонарушителя, при котором его деятельность будет пресечена законом и он понесет наказание, и благоприятный, при котором его нелегальная активность не будет пресечена. Доход от легальной деятельности – неслучайная величина.
3. Ожидаемые доходы от обеих видов деятельности – монотонно возрастающие функции от времени, которое индивид тратит на каждую из них.
4. Правонарушитель субъективно оценивает вероятность, того, что он будет задержан и понесет наказание.
5. Наказание любого типа может иметь денежную оценку.

По Эрлиху полезность индивида является функцией от количества принадлежащего ему композитного товара (богатства индивида) и времени, которое индивид расходует на потребление:

$$U = U(W, t_c)$$

При этом богатство индивида, в большей или меньшей степени участвующего в противозаконной деятельности зависит от того, удастся ли ему избежать наказания, или нет:

$$W = W^S, W^U$$

Здесь W^S – количество композитного товара у индивида в случае благоприятного для него исхода:

$$W^S = W^0 + W_i(t_i) + W_l(t_l)$$

W^0 – богатство индивида в начале периода продолжительностью t ; W_i – доход, полученный индивидом от нелегальной деятельности в течение этого периода; W_l – доход, индивида от легальной деятельности; t_i – время, потраченное индивидом в периоде t на противозаконную деятельность; t_l – время, которое индивид израсходовал на деятельность в легальной сфере.

Соответственно, в случае, если нарушающий закон индивид будет разоблачен и наказан, количество композитного товара, которым он будет обладать в конце периода составит:

$$W^U = W^0 + W_i(t_i) - F(t_i) + W_l(t_l)$$

Где F , как и ранее, денежная оценка тяжести наказания.

Формула ожидаемой полезности для потенциального нарушителя закона выглядит как:

$$EU = (1 - p)U(W^S, t_c) + pU(W^U, t_c)$$

Заметим, что доходы индивида от легальной и нелегальной деятельности (W_l и W_i) и тяжесть наказания за нарушение закона (F), прямо пропорциональны соответствующим независимым переменным:

$$\frac{\partial W_i}{\partial t_i} > 0, \frac{\partial W_l}{\partial t_l} > 0, \frac{\partial F}{\partial t_i} > 0$$

В зависимости от своей индивидуальной функции ожидаемой полезности индивид определяет промежуток времени t между приносящей доход легальной деятельностью, криминальной активностью и потреблением:

$$t = t_i + t_l + t_c; t_i \geq 0, t_l \geq 0, t_c \geq 0$$

¹⁹⁰ Ehrlich, Isaac (1973), Participation in Illegitimate Activities: A Theoretical and Empirical Investigation, **81** *Journal of Political Economy*, 521-565.

Если принять время, затрачиваемое индивидом на потребление постоянным, ожидаемая полезность индивида становится функцией единственной переменной – времени, которое он расходует на противозаконную деятельность:

$$EU = (1 - p)U[W^0 + W_i(t_i) + W_l(t_w - t_i)] + pU[W^0 + W_i(t_i) - F(t_i) + W_l(t_w - t_i)]$$

Здесь t_w -- общее время, которым располагает индивид, без учета времени, расходуемого им на потребление. Так как последнее – постоянная величина, то и располагаемое время тоже будет постоянной величиной.

Приравняв первую производную ожидаемой полезности (EU) по t_i к нулю, получим необходимое условие максимизации ожидаемой полезности:

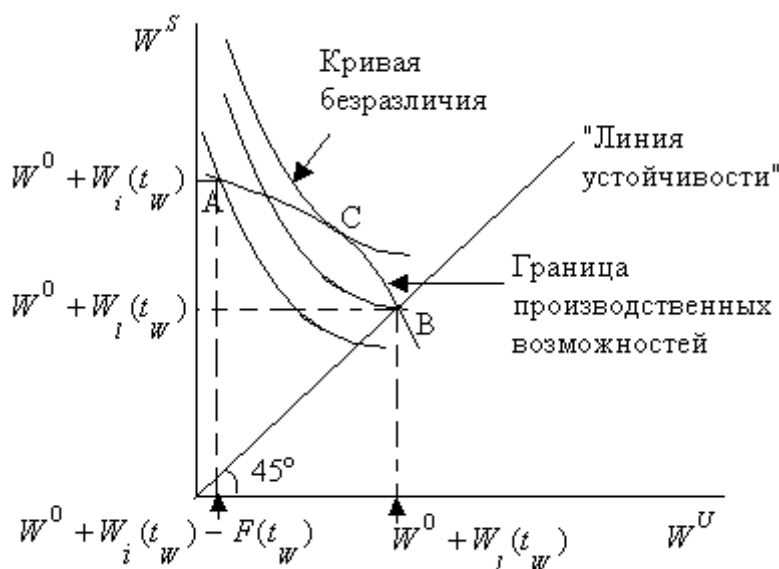
$$\frac{\partial EU}{\partial t_i} = (1 - p) \frac{\partial U(W^S)}{\partial t_i} \left(\frac{\partial W_i}{\partial t_i} + \frac{\partial W_l}{\partial t_i} \right) + p \frac{\partial U(W^U)}{\partial t_i} \left(\frac{\partial W_i}{\partial t_i} - \frac{\partial F}{\partial t_i} + \frac{\partial W_l}{\partial t_i} \right) = 0$$

Отсюда

$$-\frac{\frac{\partial W_i}{\partial t_i} - \frac{\partial W_l}{\partial t_i}}{\frac{\partial W_i}{\partial t_i} - \frac{\partial F}{\partial t_i} - \frac{\partial W_l}{\partial t_i}} = \frac{p \frac{\partial U(W^U)}{\partial t_i}}{(1 - p) \frac{\partial U(W^S)}{\partial t_i}}$$

Левая часть этой формулы – уравнение кривой трансформации композитного товара между двумя рассмотренными состояниями. Правая часть – уравнение кривой безразличия индивида (см. рис.8.1).

Рисунок 8.1. Распределение времени индивида между криминальной и легальной деятельностью¹⁹¹

На этом рисунке «линия устойчивости» – геометрическое место точек такого выбора индивида, при котором $W^U = W^S$, то есть, если кривая безразличия индивида касается границы производственных возможностей в любой из точек, принадлежащих этой линии, это означает, что индивид выбирает нулевой уровень криминальной активности. Как видно на графике, в данном случае, точка В, являющаяся точкой пересечения линии устойчивости и границы производственных возможностей, не является оптимальным выбором индивида. С другой стороны,

¹⁹¹ Ibid., 527.

точка А – это отражение ситуации, в которой индивид не принимает участия в легальной деятельности, а тратит все свое время на деятельность нелегальную. В представленном случае кривая безразличия, проходящая через точку А расположена ниже как кривой безразличия, пересекающей границу производственных возможностей в точке В, так и кривой безразличия, касающейся этой границы в точке С и отражающей, таким образом, оптимальный выбор индивида. Это означает в частности, что для индивида, чья функция полезности представлена на рис. 8.1, перспектива потратить все свое не расходуемое на потребление время на участие в нелегальной деятельности еще менее привлекательна, чем перспектива израсходовать все свое «рабочее» время на деятельность в легальной сфере.

Модель, представленная Айзеком Эрлихом в этой работе объясняет, кроме всего прочего, рациональность рецидивизма: чем больше времени человек тратит на нелегальную деятельность, тем меньше у него остается времени на деятельность легальную и, соответственно, тем меньший ожидаемый доход от деятельности, ограниченной рамками закона, и тем больший ожидаемый доход от противоправной деятельности.

Главный вывод Эрлиха, подтвержденный и проведенными им эмпирическими исследованиями, заключается в том, что преступники вполне адекватно реагируют на поступающие положительные и отрицательные стимулы к противоправной деятельности, то есть ведут себя не менее рационально, чем добропорядочные граждане.

Однако, предложенная Эрлихом модель противоправного поведения была подвергнута достаточно серьезной критике со стороны других экономистов-криминологов. Наиболее серьезный из критических аргументов заключался в том, что полезность в модели Эрлиха зависит от времени, затраченного индивидом на тот или иной вид деятельности не непосредственно, а косвенно (богатство – функция затраченного времени, полезность – функция богатства). Как убедительно продемонстрировали Блок и Хейнеке, если полезность индивида эксплицитно связана с затратами его времени в легальной и нелегальной сферах, эффект дохода может оказаться по модулю больше эффекта замещения, будучи при этом направленным в противоположную сторону, и конечный результат может оказаться не таким однозначным, как полагал Эрлих¹⁹². Иными словами, если участие в криминальной, например, деятельности, по моральным или каким-то иным причинам будет связано для индивида с дополнительными издержками, то, по мере роста его преступной квалификации, с одной стороны, будет увеличиваться предельный доход индивида от затрат времени в нелегальной сфере (и этот факт должен побудить его увеличивать свою криминальную активность), а с другой стороны, возрастет его материальное богатство и, соответственно, сократится относительная предельная полезность этого богатства и возрастет предельная полезность, например, досуга (и это обстоятельство должно оказать дестимулирующее воздействие на криминальную активность индивида).

Модель, предложенная Энн Витте фактически представляет собой попытку объединить подходы Эрлиха и его критиков¹⁹³. Индивид, по Витте, распределяет свое время между четырьмя видами деятельности: легальной приносящей доход деятельности (в частности, наемный труд); нелегальной деятельности, также приносящей доход (например, кражи); легальным по-

¹⁹² Block, Michael K. and Heineke, J.M. (1975), A Labor Theoretic Analysis of the Criminal Choice, **65** *American Economic Review*, 314-325.

¹⁹³ Witte, Ann Dryden (1980), Estimating the Economic Model of Crime with Individual Data, **94** *Quarterly Journal of Economics*, 57-84.

реблением; и нелегальным потреблением (например, потреблением наркотиков). Функция полезности индивида выглядит следующим образом:

$$U = U(t_l, t_i, t_{cl}, t_{ci}, W)$$

Здесь t_l – время, которое затрачивает человек на занятие легальной деятельностью, приносящей доход;

t_i – время, затрачиваемое индивидом на нелегальную приносящую доход деятельность;

t_{cl} – время на потребление в легальной сфере;

t_{ci} – время, затрачиваемое на нелегальное потребление;

W – богатство индивида.

При этом:

$$t_l + t_i + t_{cl} + t_{ci} = T; t_l, t_i, t_{cl}, t_{ci} \geq 0$$

Где T – все совокупное время, которым располагает индивид. Кроме того:

$$\frac{\partial U}{\partial W} > 0, \frac{\partial U}{\partial t_{cl}} > 0, \frac{\partial U}{\partial t_{ci}} > 0, \frac{\partial U}{\partial t_l} < 0, \frac{\partial U}{\partial t_i} < 0$$

В предпосылках, принятых Энн Витте, максимизационная функция индивида будет выглядеть следующим образом¹⁹⁴:

$$\max_{t_l, t_i, t_{cl}, t_{ci}} U \left[t_l, t_i, t_{cl}, t_{ci}, W^0 + (1-e)rt_l + \left\{ \begin{aligned} &[(1-p(a))v + p(a)(1-p(c/a))[v-c(a)] + \\ &+ p(a)p(c/a)(1-p(j/c))[v-c(a)-F] + \\ &+ p(a)p(c/a)p(j/c)[v-c(a)-c(j)] \end{aligned} \right\} \theta \right]$$

Здесь W^0 – первоначальное богатство;

e – ожидаемый уровень безработицы (предполагается, что время, затрачиваемое индивидом на поиск работы – часть времени, затрачиваемого на легальную приносящую доход деятельность, однако, непосредственно дохода это время не приносит);

r – ожидаемый уровень отдачи от легальной деятельности;

$p(a)$ – субъективно оцениваемая вероятность того, что совершивший преступление индивид будет задержан полицией;

$p(c/a)$ – субъективно оцениваемая условная вероятность осуждения преступника, при условии, что он уже задержан полицией ($p(a) = 1$);

$p(j/c)$ – субъективно оцениваемая условная вероятность тюремного заключения преступника, при условии, что он уже осужден ($p(c) = 1$);

v – ожидаемый уровень отдачи от нелегальной деятельности;

$c(a)$ – ожидаемые издержки задержания;

F – ожидаемый размер штрафа, в том случае, если преступник будет оштрафован судом;

$c(j)$ – ожидаемые издержки преступника, связанные с ограничением свободы (речь идет не только о тюремном заключении, но и, например, об ограничении свободы в случае условного осуждения);

θ – число совершенных преступлений:

$$\theta = f(t_i), \frac{\partial \theta}{\partial t_i} > 0$$

Для решающего задачу максимизации полезности индивида необходимо, чтобы предельные отдачи от всех четырех способов расходования времени были равны.

Влияние факторов, не связанных с риском, на склонность к преступному поведению. Основными, кроме отношения к риску, факторами, определяющими склонность индивида к преступному поведению является размер доходов, которые он может получить в легальной и не-

¹⁹⁴ Ibid., 60.

легальной сферах. Величина этих доходов, в свою очередь, зависит от множества факторов, начиная от распределения богатства, свойственного обществу, где живет индивид, и кончая его возрастом, полом и цветом кожи.

Уменьшение у индивидов стимулов к преступному поведению является одним из основных экономических аргументов против неравномерного распределения доходов в обществе. Действительно, чем богаче богатые и беднее бедные, тем больше у последних стимулов к тому, чтобы перенести свою деятельность в криминальную сферу и тем больше общество вынуждено расходовать средств на борьбу с преступностью.

Другим важнейшим фактором, влияющим на уровень легальных доходов индивидов и, таким образом, на их склонность к нарушению закона является уровень безработицы в обществе. Чем выше безработица, тем меньше ожидаемые доходы индивидов в легальной сфере. Эти ожидаемые доходы, вообще говоря, являются стохастической величиной и зависят, в первую очередь, от вероятности нахождения постоянного заработка в легальной сфере.

Значительная часть ученых, занимавшихся эмпирической оценкой корреляции между уровнем безработицы и уровнем преступности обнаруживают статистически значимую прямую зависимость между ними. Такая зависимость кажется очевидной, однако, она была обнаружена далеко не во всех исследованиях. В частности, Теодор Чирикос, агрегировавший в своей работе результаты 288 оценок зависимости между уровнем безработицы и уровнем преступности, установил, что только в 31% случаев эта зависимость оказалась прямой и статистически значимой¹⁹⁵. В то же время 2% исследований обнаруживают статистически значимую обратную зависимость между этими параметрами. Возможность обратной зависимости объясняется, во-первых, сокращением ожидаемых доходов от преступлений против собственности, так как в периоды экономического спада, когда уровень безработицы достигает своего максимума, потенциальные жертвы преступников становятся беднее. Во-вторых, существование обратной зависимости объясняется сокращением преступной активности несовершеннолетних и молодежи, так как у потерявших работу родителей появляется время на воспитание своих детей.

Ряд исследований находит статистически значимую отрицательную корреляцию только между уровнем безработицы и количеством преступлений против личности (в частности, количеством изнасилований). Это объясняется, в частности, тем, что, потеряв работу, человек становится менее мобильным и, следовательно, у него уменьшаются шансы стать жертвой такого рода преступления.

Еще один вполне закономерный результат – статистически значимая обратная зависимость между уровнем образования индивида и его склонностью к преступному поведению. Это объясняется, во-первых, тем, что чем более образован человек, тем выше его ожидаемый доход в легальной сфере, а во-вторых, тем, что с ростом образования у людей меняются вкусы: увеличиваются ожидаемые нематериальные издержки, связанные с участием в противозаконной деятельности.

¹⁹⁵ Chiricos, Theodore G. (1987), Rates of Crime and Unemployment: An Analysis of Aggregate Research Evidence, *34 Social Problems*, 187-212.

В заключении этого раздела остановимся на еще одной достаточно важной закономерности: в большинстве стран количество совершаемых преступлений в расчете на душу населения связана положительной взаимосвязью с размерами населенного пункта. В частности, в 1994 году в США в мегаполисах было совершено на 79% больше тяжких преступлений на душу населения, чем в менее крупных городах и на 300% больше, чем в сельской местности¹⁹⁶. Связывается этот феномен с тремя обстоятельствами: «Во-первых, в крупных городах преступления приносят высокие денежные доходы; во-вторых, в городе у преступника меньше вероятность быть задержанным за совершенное правонарушение; в-третьих, города притягивают (или создают) склонных к преступной активности индивидов»¹⁹⁷. Есть, однако, по крайней мере еще одна серьезная причина, объясняющая высокий уровень преступности в крупных городах – это менее тесные, по сравнению с сельской местностью и с небольшими городами, социальные связи между жителями мегаполисов и, соответственно, сравнительно слабая эффективность, либо даже полное отсутствие неформальных нематериальных санкций за совершение преступления. Влияние социальных взаимосвязей и общественных норм на стимулы к преступному поведению мы рассмотрим ниже.

Криминальное поведение и ограниченная рациональность.

Рассмотренные выше модели преступного поведения фактически исходят из предпосылки полной рациональности экономических субъектов. В первую очередь, это выражается в том, что вероятность наказания p в этих моделях либо представляется заданной, экзогенной величиной, либо, хоть и говорится о субъективном характере этой вероятности, однако, отсутствует объяснение происхождения этой субъективной величины: фактически, в таких моделях субъективная оценка вероятности наказания является стохастической величиной, математическое ожидание которой равно объективной вероятности наказания преступника, то есть систематические ошибки в ожиданиях отсутствуют. Это утверждение представляется весьма спорным и, как минимум, нуждается в доказательствах.

Альтернативой предпосылке полной рациональности нарушающих законы индивидов стала концепция их ограниченной рациональности, впервые введенной Гербертом Саймоном¹⁹⁸.

Анализируя преступное поведение индивидов, Р. Сах, в частности, останавливается на следующих ключевых моментах: (i) Относящаяся к делу информация для индивида ограничена. (ii) Основным ее источником является окружение индивида. (iii) Текущая оценка вероятности наказания p является отражением объективной оценки g , свойственной более или менее отдаленному прошлому, но не настоящему. (iv) Такая оценка может не совпадать с объективной оценкой

¹⁹⁶ Glaeser, Edward L. and Sacerdote, Bruce (1999), Why Is There More Crime in Cities?, **107 Journal of Political Economy**, 225-258.

¹⁹⁷ Ibid., 227.

¹⁹⁸ См.: Саймон Г. (1993), Рациональность как процесс и продукт мышления// *THESIS*, т.1, вып.3, с.16-38; Саймон Г. (1995), Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении// *Теория фирмы*, В.М. Гальперин (ред.), СПб: Экономическая школа, с.54-72.

вероятности наказания в текущем периоде, так как g может изменяться из периода в период по целому ряду причин¹⁹⁹.

В соответствии с подходом Саха, вероятность того, что индивид предпочтет нарушать закон в периоде T описывается следующей зависимостью:

$$c(t, T, h, u) \equiv g(C(t), \dots, C(T-1), r(t), \dots, r(T-1), h, u)$$

Где t – первый период жизни, в котором индивид начинает принимать самостоятельные экономические решения; $T-1$ – период, предшествующий периоду T ; $C(t)$ – уровень преступности в периоде t ; $C(T-1)$ – уровень преступности в периоде $T-1$ (уровни преступности в различных периодах зависят от тех ресурсов, которые общество тратило на борьбу с преступностью в соответствующих периодах); $r(t)$ – объективная вероятность наказания преступника в периоде t ; $r(T-1)$ – объективная вероятность наказания преступника в периоде $(T-1)$; h – индивидуальный параметр, отражающий степень доверия индивида к поступающей к нему из разных источников информации; u – «относительная полезность преступления»²⁰⁰.

$$u \equiv \frac{u_1 - u_0}{u_1 - u_2}$$

Где u_0 – полезность индивида в том случае, если он откажется от идеи нарушить закон; u_1 – полезность индивида в том случае, если он совершает преступление, но не несет за него наказания; u_2 – полезность преступника в случае, если он будет пойман и наказан ($u_1 > u_0 > u_2$).

Выводы из модели Р. Саха, с одной стороны, достаточно тривиальны, а с другой – весьма неожиданны. Во-первых, текущая склонность индивида к преступлениям выше, если уровень преступности в предыдущие периоды был высоким или общество тратило меньше ресурсов на борьбу с преступностью. Во-вторых, «прошлые преступления порождают нынешние преступления»²⁰¹, уровень преступности в настоящем периоде тем выше, чем выше он был в предшествующих периодах. В-третьих, если два общества совершенно идентичны по своим текущим параметрам, это отнюдь не означает, что уровень преступности в них должен быть одинаковым, так как в предшествующих периодах их параметры могли различаться. В-четвертых, в рамках одного и того же общества изолированные друг от друга социальные группы могут отличаться друг от друга по уровню преступности, даже если они весьма схожи по своим экономическим или иным параметрам. В-пятых, дополнительные средства, расходуемые обществом на борьбу с преступностью в настоящем способствуют снижению уровня преступности не в настоящем, а в более или менее отдаленном будущем.

Влияние существующих социальных норм на преступность: криминологический и экономический подходы к преступному поведению. Влияние социальных норм на склонность индивидов к преступному поведению также обусловлено их ограниченной рациональностью. Возвращаясь к рассмотренной выше модели Р. Саха, можно сказать, что социальные нормы оказывают влияние на параметр h , отражающий степень доверия индивидов к поступающей информации. Принимая решение о своем участии или неучастии в противозаконной деятельности, индивид, ориентируясь только на свои внутренние ощущения, легко может ошибиться и выбрать неоптимальный вариант поведения. Социальные нормы в этом случае (также, впрочем, как и в любом другом) ограничивают выбор индивида, сокращая, таким

¹⁹⁹ Sah, Raaj K. (1991), Social Osmosis and Patterns of Crime, **99** *Journal of Political Economy*, 1274.

²⁰⁰ Ibid., 1276.

²⁰¹ Ibid., 1282.

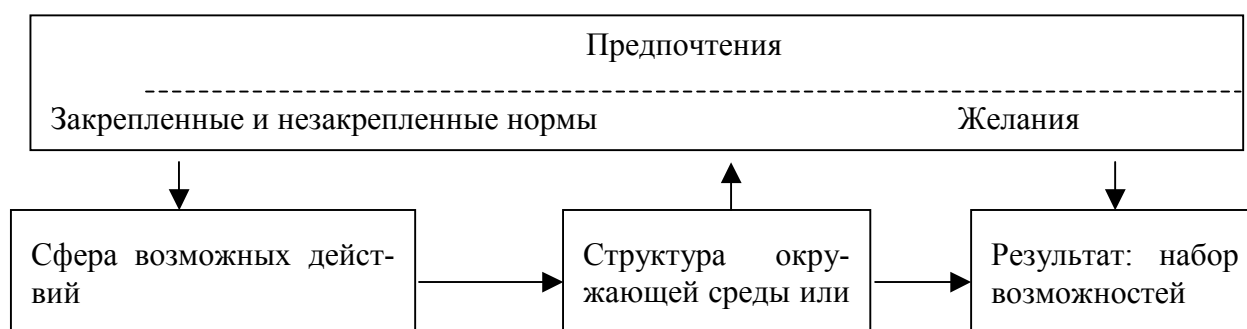
образом, издержки поиска информации и, одновременно, увеличивают, в общем случае, вероятность принятия индивидом оптимального решения.

Другая функция социальных норм заключается в отстаивании интересов общества или группы, которые этим нормам следуют. Иными словами, даже если для индивида, при отсутствии ограничивающих выбор норм, оптимален тот или иной выбор (нарушать или не нарушать закон), но этот выбор противоречит интересам общества или социального слоя, к которому принадлежит индивид, социальные нормы запрещают индивиду следовать своим интересам, способствуя, таким образом, увеличению доходов (или сокращению расходов) общества в целом.

Вообще говоря, экономисты-криминологи довольно редко включают социальные нормы в свой анализ, а в тех случаях, когда это происходит, нормы вписываются в теорию рационального выбора, являющуюся основой экономического анализа преступного поведения, так, как это показано на рисунке 8.2.

С другой стороны, традиционная криминологическая теория предполагает, что окружающая индивида социальная среда оказывает серьезное воздействие на его предпочтения, причем не только на нормы, которыми руководствуется индивид, но и на его желания.

Рисунок 8.2. Рациональный выбор и социальные нормы

Однако, по мнению ряда исследователей, несмотря на серьезные различия, экономический и криминологический подходы к анализу преступного поведения скорее дополняют, чем противоречат друг другу²⁰². Экономический подход сосредоточивает свое внимание на ожидаемых выгодах и издержках от совершения преступления, учитывающих вероятность наказания. При этом используется формальный анализ. Криминологический же подход сосредоточивает свое внимание на том, как различные общественные группы реагируют на изменения стимулов, изучаемых экономическим подходом.

8.3. Экономический анализ предупреждения правонарушений

По общему мнению людей, далеких от экономической теории вообще и от экономической теории преступления и наказания в частности, государство должно бороться с преступностью вплоть до полного искоренения последней. Однако, такой подход представляется весьма поверхностным. По словам Гэри Беккера:

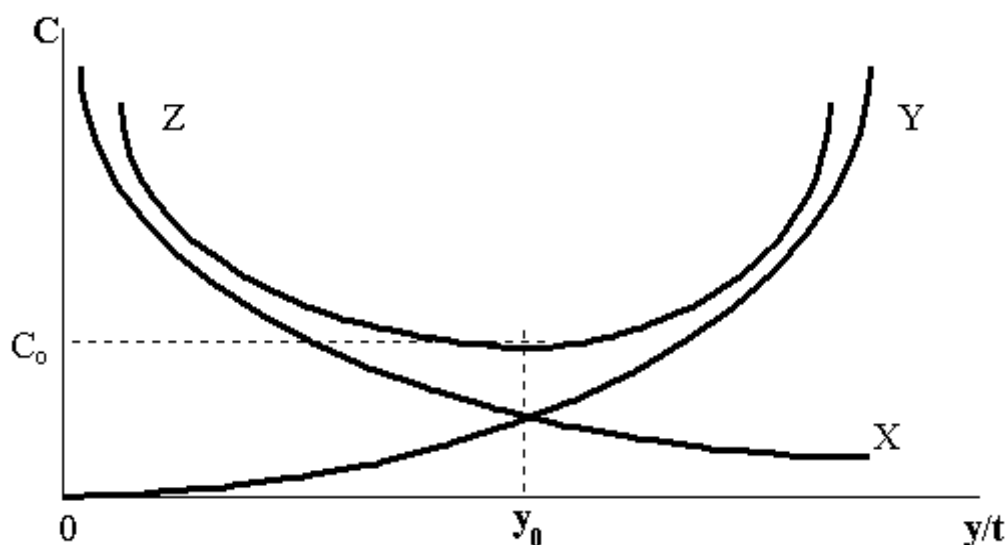
²⁰² См. в частности: Carr-Hill, R.A. and Stern, H.H. (1979), *Crime, The Police and Criminal Statistics*, London: Academic Press.

«Необходим критерий более глубокий, чем лозунги, который позволяет точно соизмерять наносимый преступлениями ущерб, издержки общества на поимку преступника и установлении его вины, а также социальные издержки осуществления наказаний. В качестве такого критерия можно использовать функцию общественного благосостояния современной экономической теории благосостояния»²⁰³.

Действительно, общественные издержки, связанные с противоправной деятельностью индивидов состоят из двух частей — издержек совершенных преступлений и общественных затрат на борьбу с преступностью — и, в соответствии с предложенным Гэри Беккером критерием, оно должно минимизировать свои суммарные издержки, так или иначе связанные с преступной деятельностью своих членов. В самом общем виде оптимизация общественных расходов связанных с преступностью представлена на рис. 8.3. Здесь Y — общественные потери от совершенных преступлений, X — общественные расходы на борьбу с преступностью, y/t — количество совершенных за период t преступлений. При этом:

$$\frac{\partial Y}{\partial (y/t)} > 0, \frac{\partial X}{\partial (y/t)} < 0$$

Рисунок 8.3. Оптимизация общественных потерь от преступлений

Минимальными общественные потери от преступлений (Z) будут при том уровне преступности (количестве совершенных преступлений за период), при котором $X = Y$.

По словам Дж. Стиглера:

«Если уровень общественных расходов на борьбу с преступностью оптимален, общество не будет тратить два доллара на предотвращение преступления,

²⁰³ Беккер Г. (2000), Преступление и наказание: экономический подход// *Истоки*, вып.4, Я.И. Кузьминов (ред.), М.: ГУ ВШЭ, с.44.

ущерб от которого равен одному доллару, или тратить только один доллар на предотвращение преступления, ущерб от которого больше этой суммы»²⁰⁴.

Оптимальные расходы на борьбу с преступностью. Основоположник экономической теории преступления и наказания Гэри Беккер стал и первым из экономистов, решавших задачу оптимизации общественных расходов на борьбу с преступностью. В соответствии с его подходом, функция общественных издержек, связанных с преступностью выглядит следующим образом:

$$L = D(O) + C(p, O) + bpfO$$

Здесь O – количество преступлений; D – общественные издержки от совершенных преступлений; C – расходы общества на борьбу с преступностью, p – средняя вероятность раскрытия преступления (отношение числа раскрытых преступлений к общему числу преступлений), f – средние издержки наказания для преступника, b – коэффициент, показывающий, во сколько раз издержки наказания для общества (f^*) выше тех издержек, которые несет, в связи с наказанием преступник ($f^* = bf$). Иначе говоря, $bpfO$ – совокупные общественные издержки, связанные с наказанием преступников; $C(p, O)$ – функция зависимости общественных расходов на поимку и разоблачение преступников от числа совершенных преступлений и уровня раскрываемости; $D(O)$ – зависимость общественных потерь от преступности от числа совершенных преступлений. При этом,

$$\frac{\partial L}{\partial D} > 0, \frac{\partial L}{\partial C} > 0, \frac{\partial L}{\partial (bf)} > 0, \frac{\partial D}{\partial O} > 0, \frac{\partial C}{\partial O} > 0, \frac{\partial C}{\partial p} > 0$$

Если считать показатель b экзогенно заданной константой, от решения властей зависят только две переменные – p и f . Общественно оптимальные их значения находятся путем дифференцирования L по этим переменным:

$$\begin{aligned} \frac{\partial L}{\partial f} &= \frac{\partial D}{\partial O} \frac{\partial O}{\partial f} + \frac{\partial C}{\partial O} \frac{\partial O}{\partial f} + bpf \frac{\partial O}{\partial f} + bpO = 0 \\ \frac{\partial L}{\partial p} &= \frac{\partial D}{\partial O} \frac{\partial O}{\partial p} + \frac{\partial C}{\partial O} \frac{\partial O}{\partial p} + \frac{\partial C}{\partial p} + bpf \frac{\partial O}{\partial p} + bfO = 0 \end{aligned}$$

Отсюда:

$$\begin{aligned} \frac{\partial D}{\partial O} + \frac{\partial C}{\partial O} &= -bpf \left(1 - \frac{1}{\varepsilon_f} \right) \\ \frac{\partial D}{\partial O} + \frac{\partial C}{\partial O} + \frac{\partial C}{\partial p} \frac{\partial p}{\partial O} &= -bpf \left(1 - \frac{1}{\varepsilon_p} \right) \end{aligned}$$

В этих уравнениях левые части – это предельные издержки общества, связанные с приростом числа совершенных преступлений (O). В первом уравнении изменение O связано с изменением тяжести наказания f , а во втором – с изменением вероятности наступления этого наказания p . Правые части данных уравнений отражают предельные «доходы» общества от изменения этих параметров.

Здесь ε_f и ε_p – показатели эластичности количества совершенных преступлений по тяжести наказания и раскрываемости соответственно.

$$\varepsilon_f = -\frac{f}{O} \frac{\partial O}{\partial f}, \varepsilon_p = -\frac{p}{O} \frac{\partial O}{\partial p}$$

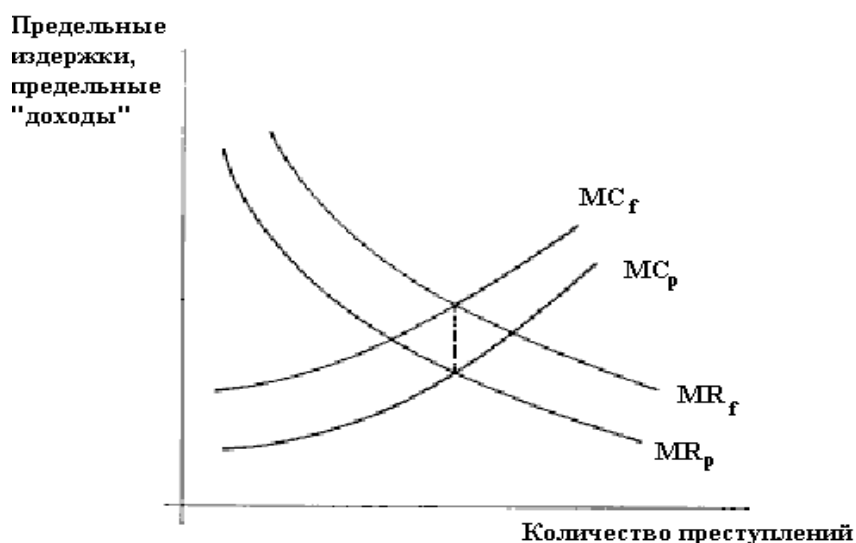
Так как $\partial C / \partial p > 0$, а $\partial p / \partial O < 0$, то:

²⁰⁴ Stigler, George J. (1970), The Optimum Enforcement of Laws, **78** *Journal of Political Economy*, 533.

$$\frac{\partial D}{\partial O} + \frac{\partial C}{\partial O} > \frac{\partial D}{\partial O} + \frac{\partial C}{\partial O} + \frac{\partial C}{\partial p} \frac{\partial p}{\partial O}$$

Иначе говоря, «предельные издержки изменения O вследствие изменения p ниже, чем в случае изменения O вследствие изменения f »²⁰⁵. Это означает, что и равновесный предельный «доход» общества вследствие изменения p должен быть ниже равновесного предельного «дохода» от изменения f . Необходимым условием для этого является, более высокая эластичность количества преступлений по вероятности наказания по сравнению с эластичностью по тяжести наказания ($\epsilon_p > \epsilon_f$) (см. рис. 8.4). Это отражает тот факт, что уровень преступности сильнее реагирует на изменение ожидаемой вероятности наказания, чем на изменение его тяжести. Последнее, как уже было замечено, связано с тем, что для части нарушителей закона, а именно, для склонных к риску индивидов, в случае изменения тяжести наказания эффект дохода и эффект замещения действуют в разных направлениях и если, например, тяжесть наказания увеличивается, то увеличивается и риск, который для склонных к нему лиц представляется положительным благом.

Рисунок 8.4. Зависимость предельных издержек и предельных «доходов» от преступности от количества совершенных преступлений²⁰⁶

Кроме вывода о необходимости стремиться к оптимизации общественных потерь от преступности, Гэри Беккер делает еще два важных, для эффективности государственной политики борьбы с преступностью, вывода. Во-первых, так как, в соответствии с весьма правдоподобной предпосылкой Беккера, увеличение на 1% тяжести наказания для совершивших преступление обойдется обществу дешевле, чем такое же увеличение вероятности наказания, то, по словам Беккера:

²⁰⁵ Беккер Г. (2000), Преступление и наказание: экономический подход// *Истоки*, вып.4, Я.И. Кузьминов (ред.), М.: ГУ ВШЭ, с.46.

²⁰⁶ Там же, с.47.

«Если бы предложение преступлений зависело только от pf (т.е. если бы преступники занимали нейтральную позицию по отношению к риску), снижение p , «скомпенсированное» равным в процентном отношении ростом f , оставляло бы pf , O , $D(O)$ и $bpfo$ неизменными, однако приводило бы к уменьшению потерь L , поскольку издержки поимки и установления вины C при снижении p стали бы меньше. Таким образом, при нейтральном отношении преступников к риску потери будут минимальными, если p довести до значения, близкого к нулю, а f поднять до такого уровня, при котором произведение pf даст оптимальное число преступлений. Если преступники не принимают риска, то для минимизации убытков достаточно было бы просто довести p до значения, близкого к нулю, поскольку «скомпенсированное» снижение p снижало бы не только C , но и O , а тем самым и $D(O)$, и $bpfo$ »²⁰⁷.

Однако, руководствуясь критерием минимизации общественных потерь от преступности, целесообразно усиливать тяжесть наказания только до того уровня, при котором предельный эффект от усиления тяжести сравнивается с предельным эффектом от увеличения вероятности наказания. Существование этой точки равновесия обусловлено убывающей отдачей, свойственной обоим этим способам сдерживания преступной активности.

Во-вторых, наиболее общественно эффективным средством наказания преступников, по Беккеру, являются штрафы, так как для штрафов $b \rightarrow 0$, тогда как для остальных видов наказания $b \geq 1$:

«Штрафы обладают рядом преимуществ перед другими формами наказаний: они экономят ресурсы, одновременно компенсируют обществу нанесенный ему ущерб и наказывают преступников, а также упрощают определение оптимальных p и f »²⁰⁸.

Однако штрафы не могут быть универсальным наказанием для преступников, потому что абстрагироваться от общественных издержек, связанных с этим видом наказания можно лишь в том случае, когда размер штрафа значительно меньше доходов нарушившего закон индивида. В общем случае, общественные расходы по наложению штрафа связаны прямой зависимостью с размером этого штрафа.

Рынок преступлений: анализ спроса и предложения. Американский экономист-криминолог Айзек Эрлих обратил внимание на тот факт, что в работе Беккера равновесный уровень преступности устанавливается посредством взаимодействия самих преступников, являющихся рационально действующими индивидами и реагирующих на положительные и отрицательные экономические стимулы, с противостоящими им органами государственной власти, которые и создают значительную часть этих стимулов. На самом деле, на рынке преступлений, также как и на любом другом рынке, кроме продавцов товаров и услуг и государства обязательно присутствуют покупатели. Покупателями на рынке преступлений являются потребители нелегальных благ и жертвы (в том числе потенциальные) преступлений. С вводом в модель Гэри Беккера

²⁰⁷ Там же, с.48.

²⁰⁸ Там же, с.81.

агентов рынка со стороны спроса анализ рынка преступлений становится очень похожим на анализ любого другого рынка.

В соответствии с подходом Эрлиха, преступник, принимая решение о своем участии или неучастии в каком-либо виде противозаконной деятельности, ориентируется на чистую ожидаемую отдачу от этого вида деятельности²⁰⁹:

$$\pi_i = w_i - c_i - w_l - p_i f_i$$

Здесь π_i – ожидаемый чистый доход от совершения преступления, w_i – ожидаемый доход от преступления, c_i – издержки, связанные непосредственно с совершением преступления, w_l – ожидаемый доход в легальной сфере, p_i – ожидаемая вероятность наказания преступника, f_i – ожидаемая тяжесть наказания (в денежном эквиваленте).

Количество преступлений, совершаемых преступником за период t зависит от ожидаемого им чистого дохода от преступлений. Кривая совокупного предложения преступлений – это сумма по вертикали индивидуальных кривых предложения преступлений. Таким образом количество совершаемых в обществе преступлений напрямую зависит от чистого ожидаемого дохода от них:

$$q_i = S(\pi_i)$$

Поэтому, даже если индивидуальные кривые предложения преступлений неэластичны по ожидаемым чистым доходам, агрегированная кривая предложения будет достаточно эластична по этому параметру: фактически для каждого человека существует некий пороговый уровень π , при котором этот индивид готов нарушить закон.

Спрос на преступления – это показатель, обратный показателю спроса на товары и услуги, предназначенные для частного предотвращения преступлений и частной защиты от них (к таким товарам относятся, например, автомобильные охранные сигнализации, железные двери, решетки на окнах, услуги личных телохранителей и т.д.). Принимая решение о приобретении такого рода товаров и услуг, покупатель ориентируется на два параметра: вероятность стать жертвой преступления и ожидаемый ущерб от этого.

$$e_i = a_i v(e_i) L(e_i)$$

Здесь e_i – частные расходы на индивидуальное предотвращение преступлений против своей личности и собственности и защиту от них; v – вероятность для индивида стать жертвой преступления ($\partial v / \partial e_i < 0$); L – ожидаемый индивидуальный ущерб от преступления ($\partial L / \partial e_i < 0$); a_i – показатель, отражающий эффективность частных расходов на предотвращение преступлений и защиту от них:

$$a_i = \frac{\partial v}{\partial e_i} \frac{e_i}{v} + \frac{\partial L}{\partial e_i} \frac{e_i}{L}$$

Агрегированная кривая спроса на преступления представляет собой, аналогично агрегированной кривой предложения преступлений, сумму по вертикали индивидуальных кривых спроса. Издержки преступника, связанные непосредственно с совершением преступления (c_i) напрямую зависят от частных расходов на предотвращение преступлений и защиту от них (e_i). Кривая совокупного спроса на преступления выглядит по Эрлиху как:

$$d(e_i) = w_i - w_l - c_i(e_i)$$

Кривые спроса и предложения преступлений представлены на рис. 8.5.

209 См.: Ehrlich, Isaac (1996), Crime, Punishment and the Market for Offenses, *10 Journal of Economic Perspectives*, 43-67.

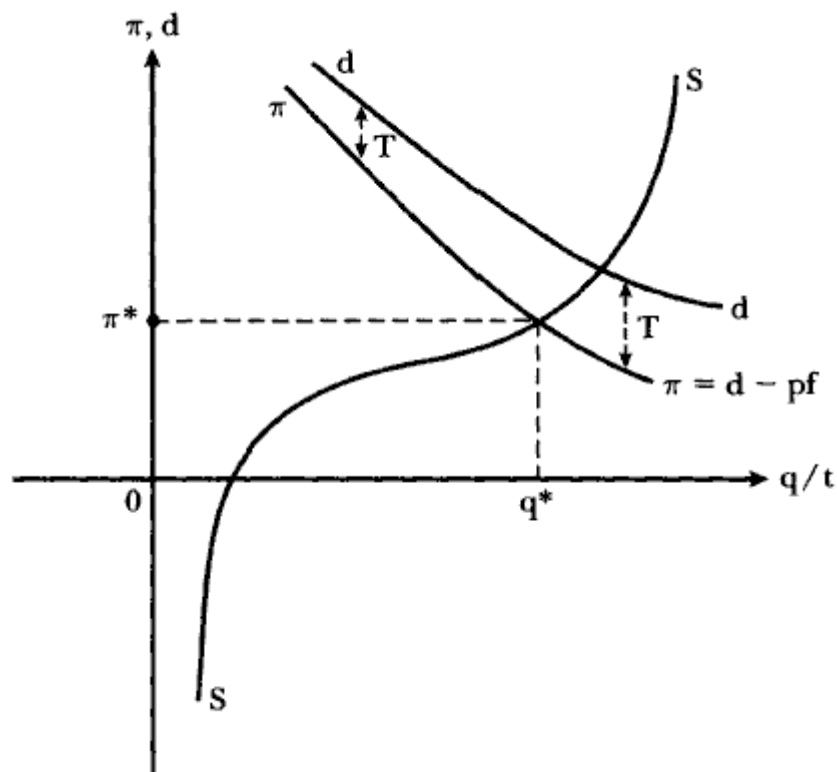

Рисунок 8.5. Спрос и предложение на рынке преступлений²¹⁰

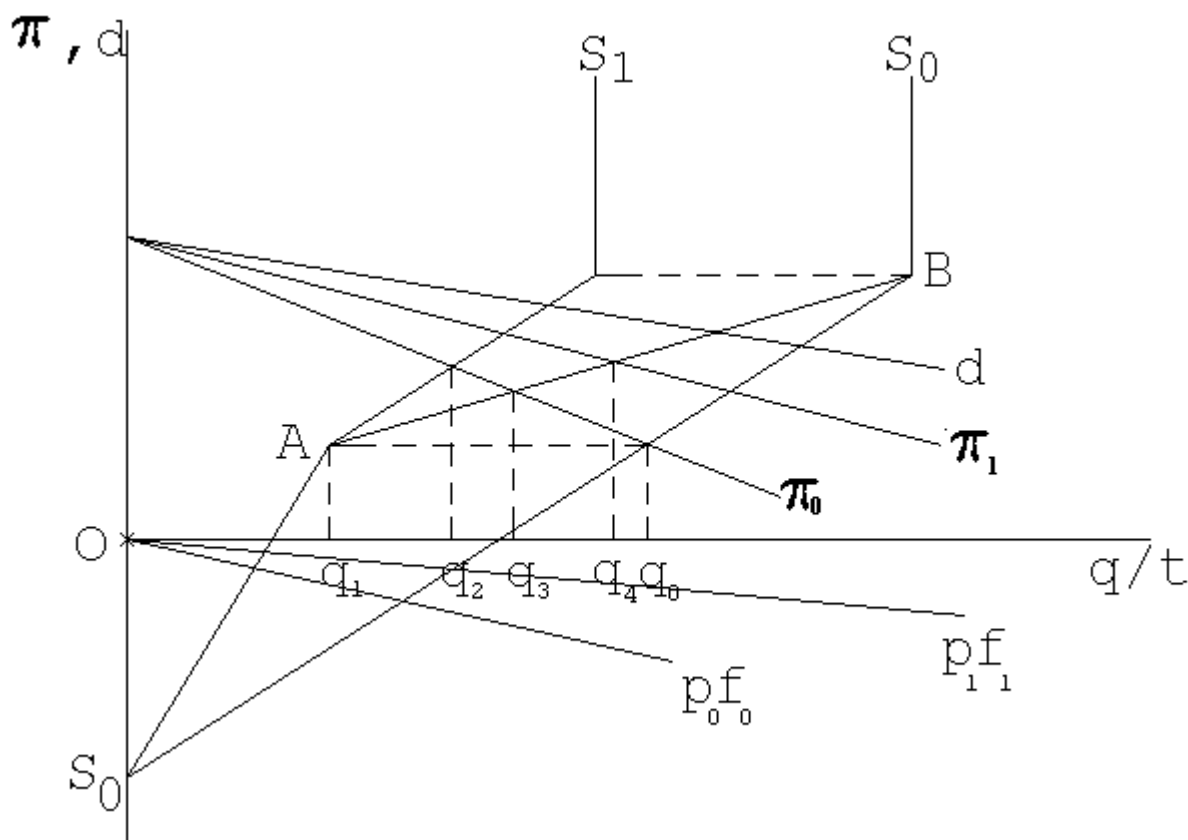
Функции правительства на рынке преступлений фактически мало чем отличаются от его функций на других рынках: правительство облагает производство облагает производителей, то есть в нашем случае преступников, налогом $T = pf$. Таким образом ситуация равновесия на рынке преступлений представлена на рис.5 точкой, в которой количество совершенных за период времени t преступлений равно q^* , а чистый ожидаемый доход от преступления равен π^* .

Общественные функции наказания. Подход к анализу преступности с позиций теории спроса и предложения приводит Эрлиха к весьма интересным умозаключениям, касающимся экономических функций наказания преступников. Вообще говоря, исследователи выделяют четыре основные функции наказания: месть общества за совершенное преступление; изоляция преступников, предупреждающая совершение ими преступлений на то время, пока они находятся в заключении; реабилитация и перевоспитание нарушителей закона; сдерживание потенциальных преступников. Сразу оговоримся, что мы не будем рассматривать месть как функцию наказания преступников: в отрыве от других функций в ней нет никакого экономического смысла.

Влияние изоляции и реабилитации преступников на равновесии на рынке преступлений представлено на рис.8.6.

²¹⁰ Ibid., 48.

Рисунок 8.6. Изоляция и реабилитация преступников и равновесие на рынке преступлений²¹¹

Здесь первоначальная кривая предложения преступлений – кривая S_0S_0 . Первоначальная кривая чистых ожидаемых доходов от совершения преступлений, после правительственного «налогообложения» – кривая π_0 . Первоначальный равновесный уровень преступности – q_0 . Предположим, что органы охраны общественного порядка поймали часть «продавцов» на рынке преступлений и суды изолировали их от общества, при этом первоначально уровень преступности сократится до q_1 , а кривая предложения преступлений сместится в положение S_0AS_1 . Как видно на этом графике, если предложение преступлений эластично относительно π , равновесие на этом рынке будет нарушено: возникнет дефицит. Увеличившиеся ожидаемые чистые доходы от преступлений привлекут на рынок дополнительных «продавцов», и новое равновесие установится при уровне преступности, равном q_2 . Иными словами, сокращение количества совершаемых за период t преступлений за счет изоляции части преступников будет частично нейтрализовано увеличением предложения преступлений, связанным с увеличением чистой ожидаемой отдачи от преступлений для тех, кто остался на свободе. Однако, если предложение преступлений неэластично (неэластичность предложения характерна, в частности, для ряда преступлений против личности) его увеличения не последует. Иными словами, изоляция лиц, совершивших преступления будет тем более эффективной мерой наказания, чем менее эластична кривая предложения преступлений конкретного вида.

²¹¹ Ehrlich, Isaac (1981), On the Usefulness of Controlling Individuals: An Economic Analysis of Rehabilitation, Incapacitation, and Deterrence, 71 *American Economic Review*, 312.

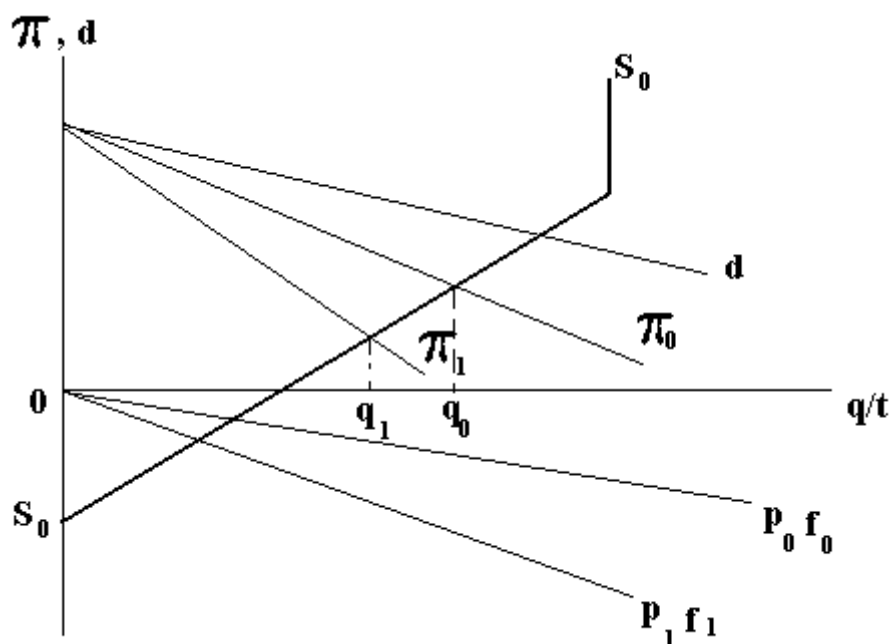
Что касается реабилитации, то при таком же первоначальном сокращении числа преступлений за период времени t , как и в рассмотренном случае изоляции преступников, кривая предложения преступлений будет выглядеть как S_0ABS_0 . Дело в том, что программы реабилитации преступников предполагают, в большинстве случаев, их свободу (по крайней мере, относительную). Поэтому в случае реабилитации наказанным преступникам значительно проще вернуться на рынок преступлений, чем в случае изоляции.

Первоначальное сокращения числа преступлений за счет вовлечения части преступников в различные реабилитационные программы будет частично нейтрализовано увеличением предложения преступления за счет двух факторов: возвращения части «реабилитируемых» на рынок преступлений и, как и в случае изоляции, роста чистой ожидаемой отдачи от совершенного преступления. Поэтому последующее увеличение числа совершенных преступлений, при одинаковом первоначальном сокращении их количества, в случае реабилитации будет больше, чем в случае изоляции ($q_3 > q_2$).

Кроме того, реабилитация оказывает воздействие на стимулы индивидов к совершению преступлений. Предположение, что для большинства индивидов тюремное заключение или штраф представляются значительно более суровым наказанием, чем их принудительное участие в некой реабилитационной программе выглядит более чем правдоподобным. Сокращение ожидаемой тяжести наказания, свойственное реабилитации смещает кривую π_0 в положение π_1 , а равновесное количество совершаемых за период t преступлений возрастет до уровня q_4 . Перечисленные обстоятельства позволили Эрлиху говорить о том, что реабилитационные программы не являются экономически эффективными средствами борьбы с преступностью.

Что касается сдерживания, то эта функция наказания воздействует не на предложение преступлений, а на спрос на них. Увеличение тяжести наказания или его вероятности сдвигает кривую π_0 в положение π_1 , сокращая, таким образом, равновесное количество преступлений с q_0 до q_1 (см. рис.8.7). Последующего увеличения равновесного количества совершаемых преступлений не возникает и это позволяет говорить о сдерживании как об основной функции наказания.

Рисунок 8.7. Влияние сдерживания на равновесие на рынке преступлений

Однако, если предложение преступлений неэластично сдвиг π_0 не вызовет сокращения равновесного количества преступлений, совершаемых в обществе за период времени t . Иными словами, если предложение преступлений эластично (к числу преступлений, предложение которых эластично относится, например, розничная торговля наркотиками), основной функцией наказания будет сдерживание. В случае неэластичного предложения преступлений (например, преступления, совершенные людьми, страдающими отклонениями психики), основной функцией наказания становится изоляция.

Экономическая эффективность смертной казни. Вопрос об экономической целесообразности такого, крайне жестокого, способа наказания преступников психологов и социологов интересовал уже довольно давно. Основной вывод ранних социологических работ по этому вопросу заключался в том, что смертная казнь — это неэффективный способ наказания преступников.

Первым экономистом, которого заинтересовала проблема экономической эффективности смертной казни был Айзек Эрлих: им была предложена теоретическая модель, описывающая влияние этого жестокого наказания на стимулы преступников к совершению тяжких преступлений²¹². Эта модель стала теоретической основой ряда эмпирических исследований, оценивавших воздействие смертной казни на поведение преступников.

В соответствии с подходом Эрлиха, перед индивидом, принимающим решение о том, совершать или не совершать ему тяжкое преступление (например, убийст-

²¹² Ehrlich, Isaac (1975), The Deterrent Effect of Capital Punishment: A Question of Life and Death, 65 *American Economic Review*, 397-417.

во), наказанием за которое может стать смертная казнь возникают четыре альтернативных варианта возможного развития событий: его не задержат, то есть ему удастся избежать ответственности; его задержат, осудят за совершенное тяжкое преступление и приговорят к смертной казни; его задержат, осудят за совершенное тяжкое преступление, но приговорят к менее суровому наказанию; его задержат, но осудят не за совершенное тяжкое преступление, а за какое-то другое, либо вообще, оправдают. Эти варианты, вероятности их наступления и потребительские перспективы преступника при осуществлении каждого из этих вариантов представлены в Таблице 8.1.

Таблица 8.1. Вероятность наказания и потребительские перспективы убийцы²¹³

	События	Наказания	Вероятности	Потребительские перспективы
Преступник арестован	Осуждение за убийство Осуждение за менее тяжкое преступление, или оправдание	Смертная казнь	$(P_a)(P_{c/a})(P_{e/c})$	$C_d(c_0=0)$
		Тюремное заключение за убийство	$(P_a)(P_{c/a})(1-P_{e/c})$	$C_c(c_0=c)$
		Иное наказание	$P_a(1-P_{c/a})$	$C_b(c_0=b)$
Преступник избежал ареста		Отсутствие наказания	$1-P_a$	$C_a(c_0=a)$

Здесь P_a – безусловная вероятность ареста преступника; $P_{c/a}$ – условная вероятность осуждения преступника в случае его ареста; $P_{e/c}$ – условная вероятность смертного приговора в случае осуждения преступника; c_0 – потребление самого преступника (по Эрлиху потребительские перспективы могут зависеть также от потребления других лиц, но в данном случае влияние этого потребления на потребительские перспективы преступника принимаются равными нулю, таким образом, Эрлих исключает из рассмотрения убийства, мотивированные ненавистью, сосредоточивая внимания на преступлениях, так или иначе имеющих корыстные мотивы).

При этом $C_a > C_b > C_c > C_d$. А эластичность полезности преступника по вероятности ареста выше эластичности полезности по условной вероятности осуждения, которая, в свою очередь, превышает эластичность полезности по условной вероятности вынесения преступнику смертного приговора:

$$\varepsilon_{P(a)} = -\frac{\partial U}{\partial P_a} \frac{P_a}{U} > \varepsilon_{P(c/a)} = -\frac{\partial U}{\partial P_{c/a}} \frac{P_{c/a}}{U} > \varepsilon_{P(e/c)} = -\frac{\partial U}{\partial P_{e/c}} \frac{P_{e/c}}{U}$$

Такое соотношение эластичностей объясняется тем, что увеличение вероятности ареста одновременно увеличивает и вероятности осуждения и смертного приговора, а увеличение вероятности осуждения также способствует повышению для преступника вероятности быть казненным. Таким образом, вероятность ареста – более мощный сдерживающий фактор для преступника, по сравнению с вероятностью осуждения, а последняя по силе сдерживания превышает вероятность смертной казни.

Преобразуя функцию общественных потерь от преступности Гэри Беккера в функцию потерь общества от убийств, и учитывая возможность смертной казни для убийц, Эрлих приводит ее к следующему виду:

$$L = D(q) + C(q, P_c) + \gamma_1 P_c P_{e/c} qd + \gamma_2 P_c (1 - P_{e/c}) qm$$

Здесь D – чистые общественные убытки от убийств; $q=Q/N$ – доля убийц среди всего населения; $C(q, P_c)$ – издержки общества, связанные с арестом и осуждением лиц, совершивших убийства; $P_c=P_a P_{c/a}$ – вероятность ареста и осуждения убийцы; γ_1 – совокупные средние общественные издержки, связанные с исполнением смертного приговора; γ_2 – совокупные средние общественные издержки содержания убийцы в тюрьме; d и m – частные издержки преступников, связанные с их наказанием – смертной казнью и тюремным заключением, соответственно.

Формула общественных потерь от убийств переписывается в следующем виде:

²¹³ Ibid., 400.

$$L = D(q) + C(q, P_c) + \gamma_1 P_c f q$$

Где f – средние издержки общества, связанные с наказанием за убийства:

$$f = P_{e/c} d + \frac{\gamma_2 (1 - P_{e/c}) m}{\gamma_1}$$

Дифференцируя данную функцию по переменным P_c и $P_{e/c}$, Эрлих получает следующие условия минимизации общественных убытков, связанных с убийствами:

$$\left[\frac{\partial D}{\partial q} + \frac{\partial C}{\partial q} + \frac{\partial C}{\partial P_c} \frac{\partial P_c}{\partial q} + \gamma_1 P_c f (1 - E_p) \right] \frac{\partial q}{\partial P_c} = 0$$

$$\left[\frac{\partial D}{\partial q} + \frac{\partial C}{\partial q} + \gamma_1 P_c f (1 - E_f) \right] \frac{\partial q}{\partial f} \frac{\partial f}{\partial P_{e/c}} = 0$$

Здесь

$$E_p = - \frac{\partial P_c}{\partial q} \frac{q}{P_c} = \frac{1}{\varepsilon_{P_c}}$$

$$E_f = - \frac{\partial f}{\partial q} \frac{q}{f} = \frac{1}{\varepsilon_f}$$

Второе из представленных выше условий минимизации общественных издержек, связанных с убийствами ($\partial L / \partial P_{e/c} = 0$) преобразуется к следующему виду:

$$- \left(\frac{\partial D}{\partial q} + \frac{\partial C}{\partial q} \right) \frac{\partial q}{\partial f} \frac{\partial f}{\partial P_{e/c}} = \gamma_1 P_c f (1 - E_f) \frac{\partial q}{\partial f} \frac{\partial f}{\partial P_{e/c}}$$

В левой части этого уравнения отражены предельные выгоды от смертной казни: «Ценность сохраненных жизней потенциальных жертв и сокращение издержек задержания и осуждения преступников, благодаря сдерживающему эффекту, который угроза смертной казни оказывает на частоту убийств»²¹⁴. В правой части – предельные общественные издержки смертной казни: ценность для общества жизни казенного человека, учитывая вероятность судебной ошибки, и переменные издержки осуществления этого наказания за вычетом сохраненных средств, которые общество потратило бы на содержание убийцы в тюрьме в том случае, если бы ему не был вынесен смертный приговор.

Итак, основной вывод, сделанный Эрлихом из этих теоретических построений заключается в том, что хотя сдерживающий эффект, который вероятность смертной казни оказывает на количество убийств в обществе и ниже эффектов, оказываемых на тот же параметр вероятностями ареста и осуждения, однако такой сдерживающий эффект все же существует и поэтому смертная казнь может быть вполне эффективным средством сокращения количества особо тяжких преступлений, совершаемых в обществе.

Эмпирические оценки экономической эффективности смертной казни, опирающиеся на теоретическую основу, предложенную Айзеком Эрлихом в своем подавляющем большинстве подтверждают эту гипотезу. В частности, по оценкам самого Эрлиха, одна казнь убийцы предотвращает от 5 до 15 убийств. Другие подобные исследования почти в каждом случае дали схожие результаты.

²¹⁴ Ibid., 404.

Заключение. Важно, однако, заметить, что идеи Беккера и Эрлиха – основоположников экономической теории преступления и наказания – с точки зрения методологии мало чем отличаются от современного неоклассического подхода к экономической теории. Более того, этот подход есть не что иное, как применение неоклассических методов к анализу поведения преступников и тех, кто им противостоит. Индивиды в ранних работах по экономике преступления и наказания ведут себя как полностью рациональные, не склонные к оппортунизму, максимизирующие собственный ожидаемый доход субъекты, обладающие полной информацией обо всех событиях, которые так или иначе их касаются.

В связи с этим важно обратить внимание на то обстоятельство, что проведенный Эрлихом экономический анализ эффективности смертной казни не принимает во внимание возможные последствия оппортунистического поведения со стороны индивидов, участвующих в принятии решений о назначении этого наказания. Иными словами, говоря об эффективности смертной казни как средства сдерживания особо тяжких преступлений, не следует забывать, что такое жестокое наказание может использоваться не в общественных интересах, а в интересах тех, кто от лица общества принимает решение о вынесении такого приговора.

Основные понятия главы

- Общее право
- Кодифицированное право
- Ответственность за неумышленное причинение ущерба
- Правило строгой ответственности
- Правило небрежности
- Стандарт предосторожности
- Тяжесть наказания
- Вероятность наступления наказания
- Оптимальное правоприменение
- Рынок преступлений
- Экономические функции наказания
- Сдерживание преступности
- Изоляция преступников

Вопросы для повторения

1. В качестве кого в рамках экономического анализа права рассматриваются участники правовой системы?
2. Как, исходя из теоремы Коуза, объясняется экономическая ценность права?
3. Что такое система общего права, какие отрасли права она в себя включает?

4. Что такое система кодифицированного права, в чем ее отличия от системы общего права?
5. В чем заключаются основные различия между экономическим и юридическим подходами к анализу права?
6. Каков экономический смысл ответственности за неумышленное причинение ущерба?
7. Что собой представляет правило строгой ответственности за неумышленное причинение ущерба?
8. В чем заключается правило небрежности при решении вопросов ответственности за неумышленное причинение ущерба?
9. Что такое стандарт предосторожности?
10. Что, по мнению Беккера оказывает больший сдерживающий эффект на преступность: усиление тяжести наказания или увеличение вероятности его наступления?
11. В чем основное отличие подхода к анализу преступного поведения Беккера от подхода Эрлиха?
12. Зависит ли уровень преступности от равномерности распределения доходов в обществе?
13. Какими причинами объясняется более высокий уровень преступности в крупных городах, по сравнению с небольшими городами и сельской местностью?
14. Каким образом уровень преступности в прошлом влияет на текущий уровень преступности?
15. Верно ли следующее утверждение: общество должно бороться с преступностью вплоть до полного ее искоренения?
16. Почему штрафы, по Беккеру – это наиболее общественно эффективное средство наказания преступников?
17. Назовите четыре функции наказания преступников.
18. Какая функция наказания будет основной в том случае, когда кривая предложения преступлений неэластична?
19. Какова основная функция наказания при эластичном предложении преступлений?

Вопросы для размышления

1. Чем можно обосновать гипотезу о том, что общее право в большей мере ориентировано на обеспечение эффективного использования ресурсов, чем кодифицированное право? Какие можно предложить контраргументы к этой гипотезе?
2. Почему принцип возложения ответственности на того, кто мог предотвратить срыв исполнения контракта с наименьшими издержками, который действует в рамках контрактного права, неприменим к конфликтам, возникающим в ситуациях неумышленного причинения ущерба?
3. Гэри Беккер полагал, что штрафы – это наиболее общественно эффективное средство наказания преступников. Однако, впоследствии экономисты выдвинули ряд условий, ограничивающих возможности применения этого способа наказания. Могут ли, на Ваш взгляд, штрафы быть универсальной формой наказания преступников? Обоснуйте свой ответ.

Литература

Основная

Познер Р. (2003), *Экономический анализ права*, СПб: Экономическая школа.

Беккер Г. (2000), Преступление и наказание: экономический подход// *Истоки*, вып.4, Я.И. Кузьминов (ред.), М.: ГУ ВШЭ, с.28-90.

Ehrlich, Isaac (1973), Participation in Illegitimate Activities: A Theoretical and Empirical Investigation, **81** *Journal of Political Economy*, 521-565.

Дополнительная

Тамбовцев В.Л. (ред.) (2001), *Экономический анализ нормативных актов*, М.: ТЕИС.

Ehrlich, Isaac (1975), The Deterrent Effect of Capital Punishment: A Question of Life and Death, **65** *American Economic Review*, 397-417.

Ehrlich, Isaac (1981), On the Usefulness of Controlling Individuals: An Economic Analysis of Rehabilitation, Incapacitation, and Deterrence, **71** *American Economic Review*, 307-322.